

ИСФАНДИЯР

РАЗБУДИТЕ

МЕНЯ

С

РАССВЕТОМ

Jonasi

Последнее время Махмуду снился один и тот же сон: выпадали зубы, без боли, ни с того ни с сего. Стоило ему просто прикоснуться к какому-нибудь зубу, как он тут же начинал шататься, расшатываться под пальцами все больше и больше, и через минуту Махмуд легко вытаскивал зуб из зияющей раны, одновременно поражаясь неощущению боли и пугаясь. В эти минуты он как бы раздваивался: один с удивлением и даже с каким-то ожесточенным усердием вытаскивал зуб за зубом, другой со страхом и непонятным болезненным интересом наблюдал за этими действиями.

Потом вдруг эти двое снова сливались в его сознании, и он просыпался с ощущением бессмысленного ужаса, лихорадочно ощупывал зубы, с радостью убеждаясь, что вот они — все на месте, целы и даже не шатаются. Лежал некоторое время на спине с открытыми глазами, не веря, боясь поверить, в то, что все это ему приснилось... Уговаривал, успокаивал, но все же долго не мог прийти в себя... Ведь ему было не так уж и много лет. Сколько же он прожил на сегодняшний день? Двадцать лет. Точнее, двадцать лет и сто восемьдесят пять дней. Не так уж много, чтобы не бояться такого, казалось бы, нестрашного...

И так каждую ночь. Однажды не выдержал, рассказал матери. Что бы это могло означать?

— Это когда твои враги умирают, — улыбнулась она. — Или отстают от тебя. Крови ведь ты не видел?

— Точно, крови не было, — кивнул он.

— Вот видишь. Крови нет, значит, все хорошо. Плохо, когда кровь... Значит, с близким твоим несчастье. Такой сон — плохой сон...

Мне тогда лет десять было, — мать задумчиво откинулась на спинку дивана, тело ее расслабилось, как бы растекаясь на мягкой поверхности и принимая наиболее удобное положение. — Отец мой... дедушка твой уехал по делам, он был каким-то уполномоченным, и часто по вечерам его не было дома, мы с мамой ложились вдвоем, она боялась спать одна. С-удовольствием вспоминаю это время. Днем мама была какая-то далекая, всегда занятая, а когда мы оставались вдвоем в темноте, под одним одеялом, и я прижималась к ней, она обнимала меня своей го-

рячей рукой и начинала рассказывать. А как она умела рассказывать!..

Я до сих пор помню ее голос, ее интонацию!.. Помню все ее рассказы, как она росла у своей тетки, на которой женился ее отец, чтобы у нее была мать, которая бы любила ее, как родную дочь, и как потом эта самая тетка издевалась над ней, прятала от нее хлеб, закрывала его в сундук под замок. Замок этот легко открывался простым гвоздиком, и мачеха скоро поняла это, стала считать лепешки, коситься на нее, и однажды выследила, когда она открывала замок. Сколько было крику, шуму!.. «Твоя дочь — воровка!.. Я давно это замечала, но не говорила!.. Ты должен повлиять на нее по-отцовски!», — кричала мачеха отцу в тот вечер. И отец верил ей, уж он влиял!.. Так, что кровавые следы от этих влияний не сходили неделями!..

Мама часто плакала, когда говорила о своей родной матери. Так мы и засыпали под самое утро, не замечая, что ночь прошла; я засыпала, слыша, как бьется ее сердце, и мне было хорошо. А однажды, среди ночи, меня разбудил ее крик. Я проснулась, смотрю на нее — она плачет, показывает на дверь: «Там отец твой!.. Кровь!.. Иди открой! Он не может стоять! Он там, посмотри!..» Я бросилась к двери, открыла, там никого. Потом мы вместе с ней вышли, ходили вокруг, долго не могли уснуть, а утром приехал человек и сказал, что ночью убили отца!..

Махмуд смотрел на мать. Никогда она не говорила с ним так, будто прорвало ее вдруг. И потом долго не мог забыть ее рассказа, словно совершенно новой стороной открылась она ему, открылась и тут же снова замкнулась!..

Та-а-а-ак!.. В его распоряжении еще целых два дня. Махмуд улыбнулся, рассматривая в зеркале свое лицо, прикусил губу, помассировал нос. Он всегда так делал, когда задумывался, некоторые друзья стали даже подражать ему в этой привычке, и ему было лестно это замечать, он стал даже несколько кичиться этой своей привычкой, которая осталась с детства. Как-то в драке — он тогда учился в пятом классе — ему сломали нос. Вернее, не сломали, а сломал Рахим, в честной драке, в которой Рахим был прав и потому победил. Как когда-то победил он, Махмуд, только тогда был неправ Рахим и потому потерпел поражение.

Он тогда победил Рахима, но лишь много позднее понял: это только потому, что за ним была правда, что он не нападал, а защищался. Точнее, защищал что-то. Тогда он только пришел в интернат, а новичка всегда испытывают на силу, на то, чего он стоит. Махмуд как бы оказался под обстрелом всего класса — мальчишек и девчонок. Особенно на него нападал Рахим: «Ты, мильтон!.. Че ты сюда прикатил!..»

Мильтон!.. Этого Махмуд стерпеть не мог. Да, действительно, его мать и отчим были следователями, и из-за этого ему не раз приходилось драться со сверстниками. И потому, когда Рахим назвал его так, он сразу кинулся на него, забыв обо всем, о том, что он здесь чужак и все против него. Да, тогда он был прав и потому победил. Он разбил Рахиму губу. В те времена мальчишки дрались либо до крови, либо до слез. Общим решением, разняв их на минуту, постановили драться до крови, и вот он победил. В первый раз он, во второй — Рахим. В первый раз был прав он, во второй Рахим. Как он испугался тогда переломов! Он прибежал в палату, долго смогнул в зеркало, но никому из старших не сказал, чтобы не выдавать Рахима. Всю ночь не спал, томился, лежа на спине, на правом боку. А с утра принялся массировать нос, стараясь придать ему прежнюю форму. Через неделю опухоль спала, переносица приняла более или менее правильную, хотя и чуть изломанную форму. Тогда-то он и записался в секцию бокса, хотя в общем-то испытывал отвращение к драке... Там привычка закрепилась.

Махмуд взглянул на календарь — двадцать четвертое октября, суббота. Потом воскресенье, а в понедельник...

А для тебя, родная,
Есть почта полевая....

Он тихо пропел припев, потом, не помня слов, просветил мотив хорошо знакомой с детства солдатской песни, кивнул своему отражению: «Держись, братан! Где наша не пропадала! Без армии нельзя тоже, а до понедельника еще почти двое суток, сорок восемь часов... две тысячи восемьсот восемьдесят минут...»

Махмуд тряхнул головой, засмеялся: праздник ведь все равно придется в карантине провести:

— Мам, который час? — крикнул он.

— Семь... без пятнадцати семь, — отозвалась из соседней комнаты мать.

Махмуд кивнул, словно она могла видеть его, стал смотреть в окно. Всего семь вечера, а уже совсем темно.

По стеклу снова ударили робкие прозрачные капли.

Октябрь в этом году выдался как никогда дождливым. Грязный бурлящий поток переполнил глубокие арыки и, естественным санитаром, промывал их от застоявшегося ила, глины, подгнивших листьев...

Махмуд улыбнулся, открыл окно, жадно втянул в себя опьяняющий свежий воздух, засмеялся легко, счастливо. Он любил дождь, полюбил давно, так давно, что и не вспомнить, когда он осознал это впервые. Может быть, в интернате, когда порой по ночам выпрыгивал в окно и часами бродил по слабо освещенным аллеям или сидел на берегу неглубокого сая, оставаясь наконец наедине с самим собой.

Он любил дождь, потому что в дождь легче думалось. Он любил ночные часы, потому что никто не мог ему помешать остаться один на один со своими мыслями.

Обычно в свободное время, если видел, что на небе собираются тучи, он надевал старые брюки и рубашку и уходил из дома. Долго бродил по быстро пустевшим улицам, улыбаясь неизвестно чему. Ему было легко и хорошо, и он никогда не замечал насмешливых взглядов, которыми его провожали прохожие, спешившие укрыться от дождя. Он с удовольствием присаживался на бетонную кромку фонтана и долго смотрел на кипящую сейчас поверхность застоялой воды...

Мать никак не могла примириться с его привычкой «шляться» — это ее слово — под дождем. «Нормальные люди в такое время по домам сидят, а ты...» — ворчала она. «А я не могу сидеть дома, я ненормальный, мама!» — отшучивался он в ответ. Мама вздыхала и, махнув рукой, уходила развешивать его мокрую одежду...

Дождь набирал силу, тяжелые капли зашелестели в саду.

Вот и Володька уехал, вспомнил Махмуд, и сразу ему стало холодно, неуютно и одиноко. Володька Маков жил в соседнем дворе, он был на три года старше Махмуда и уже успел отслужить в армии, жениться. Среднего роста, широкоплечий, с реденькой белесой челкой над крупным, чуть рыхловатым лицом, Володька пользовался непререкаемым авторитетом среди ребят. С детства он покровительствовал Махмуду, заступался за него, как за младшего брата. И они действительно были неразлучны как братья. И вот Володя уехал. Вышло это как-то неожиданно, сначала

уехала Магда, его жена, уехала к себе на родину, в Закарпатье, где он служил и познакомился с ней. Два года прожила она здесь, но так и не прижилась. Сначала они вдвоем ее проводили, а потом Махмуд провожал друга.

— Ты вот что, — сказал Володька, когда они вышли на перрон и встали у низкого бетонного заборчика. — Пиши мне... Ждать буду, ладно?

Махмуд кивнул, проглотил ком, вставший в горле. Володька вытащил сигарету, чиркнул спичкой.

— Обидит кто, тоже напиши. Боцман трали-вали разводит не будет, — он глубоко затянулся, закашлялся.

— Ты же бросил курить, — тихо сказал Махмуд, глядя на друга.

— А-а! — отмахнулся Володька. Он сделал еще несколько затяжек, бросил под ноги окурочок, растер каблук. — Часто мы обещаем, — Володька глядел в ту сторону, откуда скоро должен был показаться поезд. — Обещаем что угодно, хотя чаще всего знаем, что все это липа. Разве не так?

— Не знаю, — пожал плечами Махмуд.

— Не знаю! — усмехнулся Володька. — Погоди, узнаешь... Обещаешь писать, а подумай, много ли напишешь?.. Одно письмишко если черкнешь для приличия, и то хорошо... Только не подумай, что я тебя обвиняю. Нет, конечно... Это я больше для себя, если честно, — он снова усмехнулся. — Все мы обещаем, а для чего? Спроси, вряд ли кто сможет ответить прямо. Хотим казаться лучше себе и другим...

Неожиданно пошел дождь. Друзья подхватили сумки и кинулись под навес ларька.

Показался поезд, пассажиры, забыв про ливень, засуетились, заметались вдоль железнодорожного полотна. Они тоже пошли к девятому вагону, в котором должен был ехать Володя, остановились возле проводника, посмотрели друг на друга, не зная, о чем говорить.

— Ты того!..

Володька неуклюже обнял Махмуда, хлопнул его по спине.

— Сам-то напишешь? — спросил Махмуд.

— Такое послание накатаю! — засмеялся облегченно Володька. — Стихами... Месяц будешь читать.

Поезд дернулся, медленно пополз вдоль перрона. Володька встрепенулся, стал торопливо шарить по карманам.

— Ты чего? — забеспокоился Махмуд. — Билет что ли потерял?

— Ничего! — Володька что-то сунул быстро ему в карман и вскочил на подножку вагона. — На память!.. Пиши!.. Адрес не потеряй!

Махмуд еще некоторое время бежал рядом, глядя в лицо другу, потом отстал, замедлил шаг, помахал рукой, пока последний вагон не растворился в вечерних сумерках. Что это ему сунул Володька? Вытащил — ножик. Небольшой, перочинный ножик с красивой перламутровой ручкой.

Он улыбнулся снисходительно, снова опустил его в карман и вскоре забыл о подарке...

Было далеко за полночь. Махмуд с чувством какой-то потерянности брел по пустынной улице, не различая дороги, ступал прямо по лужам. Вода выстреливала под ногами, штанины внизу давно намокли, но он не замечал этого, подчиняясь единому стремлению — как можно быстрее добраться до дома, упасть в постель, зарыться головой в подушку, забыться...

Что он теперь скажет Малине? Да и что бы он ни говорил, какие бы доводы ни приводил, поверит ли она ему, захочет ли слушать?.. Последний день!.. Черт его понес к Гульдору, знал ведь, что уйти из компании будет невозможно, знал и пошел, а теперь...

Он прикрыл глаза, стараясь идти ровно, это ему плохо удавалось, то одна, то другая половина тела, казалось, перевешивала, тянула в сторону, в голове шумело, тошнота подступала к горлу...

Последний день!.. Э, дурень! Какой же ты дурень!..

Город точно вымер, ни единой живой души вокруг, только монотонный гул неоновых светильников нарушает, а скорее подчеркивает устоявшуюся тишину.

— Стоп, приехали!

Голос прозвучал совсем рядом, резко, как команда. Махмуд вздрогнул, поднял голову. Перед ним стоял незнакомый парень с растопыренными руками. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом парень усмехнулся, подался чуть вперед, повторил хриплым баском:

— Приехали, парень... Закурить треба. Как ты насчет этого, а?

Махмуд смотрел на парня, словно не понимая, что ему от него нужно.

— Ты-ы, жлобинна! Тебя спрашивают! — кто-то сильно ткнул Махмуда кулаком в спину.

Махмуд обернулся, сзади стояли еще двое: один кра-

сивый, одного с ним роста, с темными волнистыми волосами, зачесанными на пробор, другой, чуть пониже, массивный, с тяжелыми борцовскими плечами, угрюмо смотрел на него из-под широких густых бровей, будто примериваясь, как и куда ударить.

— Чего зенки вылупил? — скривился в улыбке красивый.

— Эй, ты на меня смотри! Я ведь с тобой говорю! — хлестко ударил Махмуда в корпус первый.

Махмуд покачулся и зажал бок.

— Ты что! — выдавил он сквозь зубы, сдерживаясь, чтобы не застонать.

— Не умеешь бить, Рыжий! — бросил из-за спины Махмуда красивый. — Ну-ка, Быча, посмотри, что у него есть в карманах! Сам не расскажет, видишь, совсем язык отнялся.

Махмуд почувствовал, как тяжелые ладони неприятно заскользнули по его карманам, дернулся было.

— Ша, парень! — схватил его за подбородок Рыжий. — Графу выпить треба! Цикнешь — голову отверну.

— Пусти! — отпрянул назад Махмуд, резко отбивая его руку, но в ту же секунду сильный удар в скулу бросил его на землю.

— Не так, Рыжий! — засмеялся Граф, глядя на поднимающегося Махмуда, и с прыжка пнул его носком ботинка в подбородок. — Ха!

Быча склонился над лежащим Махмудом, оглянулся на дружков:

— Готов, кажется!.. Здорово ты его, Граф! Сразу выключил!

— Кажется, ногу вывихнул, гадство! — отозвался Граф, кривясь от боли. — Теперь несколько дней похрамаю через эту суку!

Он опустился на скамейку и стал массировать ступню, глядя, однако, на Бычу, который выворачивал карманы у лежащего без памяти Махмуда.

Махмуд открыл глаза и тут же увидел над собой крупное лицо Бычи.

— Ха, ожил! — с дурацки радостным изумлением воскликнул тот. — Граф, смотри на него, точно говорю, совсем оклемался, — он снова посмотрел на Махмуда. — А мы думали, что ты часок пробалдеешь!

Он громко загоготал, открывая прокуренные зубы.

— Чего хотите от меня? — Махмуд медленно поднялся с земли.

— Заговорил! — удивленно вытянул шею Рыжий. —
Щас я тебя заткну...

— Кончай, Рыжий! — бросил Граф. — Хватит с него.
Пускай отваливает, пока я добрый.

— Топай! — хлопнул Махмуда по плечу Быча. — Граф
сегодня в настроении. Топай, пока он не раздумал.

— Давай! — пнул его Рыжий.

Махмуд повернулся, медленно пошел прочь, кляня се-
бя за молчание, за трусость. Дикое бешенство наполняло
его, билось в поисках выхода, слезы текли по лицу.

— Гады! Гады! Гады! — только и мог он произнести.
Он сунул руку в карман, чтобы достать платок: что-то хо-
лодное легло в ладонь. Махмуд почувствовал, как мгно-
венно пересохло в горле. Он резко обернулся к парням:

— Гады!

Граф удивленно привстал со скамейки, взглянул на
друзков:

— Нас оскорбляют!

Махмуд шел прямо на него;

— Он ничего не понял, Граф, — ухмыльнулся Быча. —
Поговорить с ним?

Рыжий и Быча шагнули навстречу Махмуду, но Граф
остановил их.

— Я сам.

Все произошло в считанные секунды, Граф и Махмуд
прыгнули друг на друга. Махмуд не понимал, что делает,
сейчас это был не человек. Он ничего не видел и не слы-
шал, им управляла только ненависть, слепое бешенство, и,
когда Граф очутился рядом, Махмуд резко выбросил впе-
ред руку с ножом. Он не почувствовал удара, не почувст-
вовал, как нож вошел в тело, но обостренный его слух пой-
мал легкий хлопок, услышал то, что мог услышать сейчас
только он, услышать инстинктивно, благодаря какому-то
невероятному чутью.

— Ми-ли-ци-я! — раздался вдруг истерический крик
из подъезда дома на другой стороне улицы. Через несколь-
ко секунд Махмуд остался на тротуаре один, он смотрел
на свои руки, поднял к глазам, передернулся, отбросил
нож куда-то в темноту, далеко от себя.

Кровь! Чужая кровь!

Махмуд некоторое время еще стоял на месте, не в си-
лах сделать даже шаг, потерянно тер ладони о брюки, о
рубашку. Что он наделал? Что теперь будет?!

Так и не очнувшись, побежал в темноту. Домой!.. Быст-
рее домой, чтобы никто не увидел, не узнал...

Он бежал дворами, задыхаясь... Бежал так, будто за ним гнались, временами ему даже казалось, что он слышит за собой тяжелый топот погони.

Споткнулся, полетел головой вперед, раздирая ладони в кровь, ударился о кромку тротуара, но, не почувствовав боли, вскочил, побежал дальше из последних сил. Он бежал, чувствуя, что гонки такой ему долго не выдержать, бежал, понимая, что останавливаться ему нельзя, потому что... потому что...

М-м-м!..

Махмуд в отчаянии замычал, на бегу вытирая рукавом слезы. Сейчас ему хотелось только одного: домой, быстрее оказаться дома, сбросить с себя одежду, ставшую вдруг такой тяжелой, ненавистой, зарыться с головой в одеяло, забыться...

Нет, конечно же, ничего не случилось! Это просто дурной сон! Ведь никто ничего не видел, кто докажет, что это сделал он? А эти, они не посмеют... Они же напали сами...

А если вдруг спросят — в это время он был дома, спал... Надо только сказать матери, она подтвердит... Сказать матери, сказать матери... что он скажет матери?.. Только один день, один день, и он уже будет далеко, его не касается, что произошло в эту ночь... Какое сегодня число?.. Иднотизм! Зачем ему число?

— Э... Стой!

Чьи-то руки поймали Махмуда, повернули к свету.

— Не дергайся, Махмуд... Что с тобой?

Махмуд поднял голову: кто, что им от него надо?

— Да что с тобой?

— Толик!

Махмуд только сейчас узнал Толика Бурова, который когда-то работал с ним на фабрике. Идут с ночной?

— Толик! — снова повторил Махмуд и всхлипнул, размазывая по лицу слезы. — Там... я не хотел! Это так получилось! Я не хотел! Толик!..

— Да что случилось? — вглядывался ему в лицо Буров. — Объясни, что ты не хотел? Подрался, что ли?

— М-м-м! — замотал головой Махмуд. — Я не хотел, честное слово, я не нарочно! Ножом...

— Подожди ты! — резко оборвал его Буров, и Махмуд осекся испуганно, зажал рот руками.

Буров посмотрел на жену, которая стояла рядом и ошарашенно глядела на Махмуда, почесал затылок.

— Н-да-а! Ну ты даешь!

— Я... я... и-не думал, Толик.

— Перестань! — сверкнул глазами Буров. — Не думал, не хотел... Кого это теперь интересует!

Он задумался, поглядел по сторонам, снова обернулся к Махмуду:

— Слушай, а может, ты не... — но встретившись с безумными глазами Махмуда, замолчал.

— Н-да-а! Ну и дела!.. Знаешь что? Дуй домой, — хлопнул он Махмуда по плечу. — Пусть мать шмотки стираниет, чтобы... следов не было, мало ли там что... а я посмотрю с Алкой... в чем там дело. Потом поговорим. Дуй!

2

— Сынок! — побледнела мать, схватилась за сердце. — Что с тобой? — Она не спала, сидела за столом, подперев голову руками, и смотрела на него.

— Мама, мамочка! — только и смог сказать Махмуд, застыв на пороге, ощущая, как силы разом покинули его. — Ничего, ничего не случилось! — опомнился он, отвел глаза. — Все хорошо... упал просто. Напился и упал...

Он изобразил на лице какое-то подобие улыбки и с этой застывшей жалкой гримасой начал ожесточенно скидывать с себя брюки, курточку, рубашку, кидая в кучу и приговаривая:

— Вот... постирай все, мама, — и тут же торопливо прибавил: — Сейчас постирай, слышишь? Сейчас...

Он хотел пройти в свою комнату, но тут ему преградила дорогу мать.

— Скажи мне, в чем дело, сынок? Я чувствую... Не тяни из меня душу, сынок!

Махмуд несколько секунд молча смотрел ей в глаза.

— Я же тебе говорю... Там парня одного... ножом ударили... в драке, — выдохнул он.

— Ножом? — едва слышно прошептала мать, побледнела. — А ты... ты что делал?

Она вдруг осеклась, словно поняла что-то такое, страшное, непоправимое, глаза ее наполнились слезами, она закачалась, тяжело опустилась на диван.

— Как же так, сынок? — только и смогла проговорить она, не замечая слез, ручейками стекавших по ее лицу.

— А вот так! — разозлился вдруг Махмуд на себя, на свою минутную слабость, что размяк, распустил язык, выболтал... — Я тоже в драке был... видел все...

— Сынок, сынок! — мать задрожала. — Это... ты?.. Ты ударил?

— Ты с ума сошла, мама?!

Махмуд схватился за голову, сжал ее, точно боясь, что она сейчас расколется, быстро обошел мать и скрылся в своей комнате.

Он словно провалился в бездну, сразу, как только голова коснулась подушки. Он не спал, нет, именно провалился, забываясь, потерялся в потемках воспаленного подсознания...

— Махмуд! Махмуд, ты слышишь? Махмуджон!

Он открыл глаза, мгновение приходил в себя, ображая, что с ним и где он, в следующее он был уже на ногах, будто и не спал, ждал, знал, что его должны позвать.

— Там ребята какие-то... тебя спрашивали. — Глаза матери потемнели от слез, она пристально смотрела на него. — Сказала им, что ты спишь... чтобы они пришли завтра.

— Ребята?—насторожился он, но тут же вспомнил Бурова. — Зачем?.. Эх, мама!

Он кинулся к выходу. Конечно, это Толик, кто же еще мой прийти среди ночи: только бы он не ушел далеко, только бы не ушел.

Махмуд выскочил на улицу. Его ждали.

— Ну? — схватил он Бурова за руку, даже не замечая, что рядом еще солидный парень.

— Увезли его, — глухо сказал Буров, отводя взгляд. — В «скорую» забрали...

— Он один был? — перешел на шепот Махмуд.

— Дружков милиция забрала, — сказала Алла и жестко добавила: — Доигрался! Готовь вещички — твоя очередь!

— Заткнись! — оборвал ее Буров. — Не твое это дело.

— Что ты мне рот затыкаешь? — обозлилась она на мужа. — Мало мне своего, так из-за этого... теперь таскать будут.

— Алла, я же... — Махмуд сжался, не зная, что говорить, умоляюще посмотрел на Бурова, на Руслана, с которым учился в одном классе и наконец узнал.

— Не надо, Алла! — попросил Руслан, но он тоже боялся встретиться взглядом с Махмудом.

— Что мне делать, ребята?.. Толик!

Губы Махмуда дрожали, да и сам он весь, как в лихорадке, не мог унять озноба.

— Что делать? Что делать?!

— Идти в милицию и признаться во всем, — сказала Алла, резко повернувшись. — Не могу видеть его! — бросила мужу: — Я тебя на углу подожду!

Алла ушла. Буров посмотрел на Махмуда, остановил взгляд на Руслане.

— Ты что скажешь?

— Лично меня спросят... — пожал тот плечами, — я ничего не видел, ничего не знаю... Встретил тебя, и все... — Он коротко глянул на Махмуда и тут же отвел глаза. — А там пусть сам думает.

— Та-а-к, — протянул Буров, обратился к Махмуду: — Ты на Алку не обижайся, сам знаешь, сколько она из-за меня вынесла. Дурак я был, вроде тебя.

— Да я же ничего, — слабо улыбнулся Махмуд. — Просто... меня в армию должны забрать. Двадцать шестого, всего один день остался...

— В армию это хорошо, — неопределенно сказал Буров. — Ну, я пойду. Алка там, наверное, зачоченела вся... Ты идешь, Руслан?

— Да, конечно, мне тоже пора, — Руслан все же взглянул в глаза Махмуда, сжал его бессильно опущенную руку. — Ну, будь! Смотри сам, что и как...

Мать так и стояла, осунувшаяся, с покрасневшими глазами, держала левую руку на груди. Опять сердце.

Махмуду вдруг стало невыносимо страшно, что станет с матерью, если она все узнает, но еще больше он испугался предстоящего объяснения, слов и слез... Он с силой сжал зубы: нет, только не это, только не сейчас, потом, все потом.

— Не я, слышишь! Не я! — закричал он. — И оставь меня в покое! Прошу тебя, мама-а-а!

3

Махмуд отбросил одеяло, но через минуту снова натянул его на себя, ему становилось то жарко, то холодно, и непонятно было, спал ли он.

Закрыв глаза.

Вчерашняя ночь со всеми подробностями возникла перед ним — нет, нет, нет!..

Не мог он, не хотел, снова и снова отказывался поверить в действительность, в то, что произошло. Но ведь произошло и живет в пространстве и времени, где-то там, в каком-то замкнутом квадрате сидят, распутывают, допра-

шивают, ищут... Он ударил человека ножом. Он убийца. Убийца!

Скоро все узнают об этом, узнают и будут показывать на него пальцами: убийца, убийца, убийца!..

Он снова откинул одеяло, чувствуя, как задыхается, словно в комнате катастрофически быстро начал исчезать кислород. Махмуд вскочил с кровати, толкнул створки окна, стал жадно ловить ртом прохладный воздух.

Утро принесло отрезвляющую ясность, а вместе с ней и страх перед наступающим днем, перед тем, что он нес: и это «нечто» было так ясно, и в то же время туманно, так ужасно своей неизвестностью, что, кажется, явись к Махмуду сейчас смерть, встретил бы ее как избавительницу.

Что угодно, только отодвинуть день, назад или вперед, на год, на десять, на двадцать лет — неважно на сколько, лишь бы отодвинуть наказание, чтобы не было вчерашней ночи и сегодняшнего дня, что угодно, лишь бы уйти от настоящего, раствориться, исчезнуть...

А может, все обойдется, все не так страшно, как ему кажется? Ведь они первые на него напали, он только защищался.

Дышать стало сразу легче.

Махмуд почувствовал себя увереннее: действительно, все так и было, он вынужден был защищаться, ведь они могли убить его.

Сознание, что его вполне могут, должны признать невиновным, на минуту подействовало успокаивающе. Но в этом ли дело, он же убил! А потом, так ли именно, точно ли так, как он сейчас представил, все произошло?

Если ты считаешь себя невиновным, чего же тебе бояться? Надо пойти в милицию и во всем признаться, ты — невиновен, тебя отпустят.

А вдруг не отпустят?.. Значит, виновен?

Да, ты боишься. Чего? Ведь ты не боялся, когда вытащил нож и пошел на них. Да-а, конечно, ты чувствовал себя героем, борцом за справедливость, так?..

И тогда, во второй раз, в интернате, Рахим был прав, потому он и отколотил тебя, несмотря на твой разряд по боксу. Ты задрал нос перед ребятами, во всем старался выделиться, а ведь ты слаб, знаешь, что слаб. Напился в дурацкой компании, вместо того чтобы провести эти последние часы перед армией с Малиной, с мамой... А перебери еще рюмку, мог бы и сам поступить как подонок. Что, не так?

Так, все было так, не нужно лгать самому себе. Ведь

сначала ты пошел от них, когда они тебя отпустили, пошел... и не перебивай, не перебивай, их никто не оправдывает, они подонки, негодян, трусы, как еще?.. Нет слов. Но подумай... подумай и о том, чем от них отличаешься ты, ты, который струсил, столкнувшись с ними лицом к лицу, а потом, когда в руках у тебя оказался нож, когда они стали беззащитны перед тобой, ты не остановился, добро и зло вдруг поменялись местами, ты превратился в зло, в насилие, ты знал, на что идешь...

Нет! Тысячу раз нет! К черту дурацкий самоанализ. Я не хотел, ничего такого я не думал и не хотел.

В соседней комнате скрипнула кровать. Махмуд со страхом глянул на дверь, прислушался: многое бы он сейчас дал, лишь бы не видеть мать. Закрыв глаза, представил себе ее лицо. Опять слезы...

Быстро оделся, воровато, на цыпочках выбрался из дома. Уехать бы, скрыться на какое-то время от всех. Но куда? Ку-да-а?

Махмуд готов был кричать, выть, биться головой о первую попавшуюся стену, лишь бы вышибить из себя сознание, ощущение страха, боли, безысходности.

Он тоскливо оглядел улицу и вздрогнул — на углу стоял мужчина в плаще и смотрел прямо на него.

Чего он так смотрит, что ему здесь надо в такую рань?

Бешено заколотилось сердце, как судорогой свело все тело.

Какое-то время они смотрели друг на друга, и эти секунды Махмуду показались вечностью; он хотел отвести взгляд, и не мог.

Бежать! Бежать! — пронеслось в голове, но вместо этого, сам не зная почему, Махмуд вдруг пошел прямо на мужчину, который тоже сделал шаг навстречу.

Милиция! Ну конечно, милиция. кому еще надо в такую рань торчать возле его дома. Все, влип, влип... Спина покрылась испариной, сразу стало жарко. Он дернул воротник, пуговица упала на тротуар, покатилась. Первым желанием было нагнуться и поднять, но тут же подумалось — зачем, к чему она ему теперь! Он облизнул пересохшие мгновенно губы: вот и все, финиш. Всю ночь, наверное, не спал, караулил, чтобы не сбежал, а теперь улыбается, ждет...

Махмуд резко остановился, точно налетел на что-то, круто развернулся и пошел в обратную сторону.

Ну, уж не-е-ет! Шалишь! Влететь за просто так?.. Я еще погуляю, один день, один час, но погуляю...

— Молодой человек! — оглушил его резкий окрик.

Махмуд даже не обернулся, шел, убыстряя и убыстряя шаг, еле сдерживаясь, чтобы не побежать. Спокойно, все спокойно, ты ничего не знаешь, откуда тебе известно, кто он и что ему от тебя нужно, мало ли кто может стоять на углу.

— Молодой человек! — услышал Махмуд почти у самого своего уха. — Минуточку.

— Чего?.. Чего вы от меня хотите? Чего вам от меня надо?! — закричал Махмуд, выдергивая локоть из цепких пальцев. — Я ничего не знаю, и мне срочно надо в одно место!

Мужчина отпрянул, удивленный, пожал плечами.

— Я давно не был здесь, — улыбнулся он миролюбиво. — Не узнаю город, изменился он сильно...

Приезжий. Это приезжий, а я подумал... Дурак, набитый дурак! Если так и дальше пойдешь...

Махмуд обрадованно закивал незнакомцу.

— Да, да! Так много изменилось...

— Тут раньше дом был... исполкомовский, — показал мужчина на здание.

— Снесли... Года четыре назад, — торопливо заговорил Махмуд. — Теперь обком комсомола.

— Снесли? Жаль, — грустно сказал мужчина. — Хороший вокруг был сад... Нигде в городе такого сада не было.

— Да, я тоже помню... Мы с ребятами туда за яблоками лазили...

— Снесли, — повторил мужчина, кивнул Махмуду. — Простите... Спасибо.

Он кивнул еще раз на прощание, повернулся и ушел. А Махмуд еще долго стоял и смотрел ему вслед, нелено, растерянно, жалко улыбаясь.

Часы над входом в областное отделение «Сельхозтехники», как автоматически отметил Махмуд, показывали начало первого. Торопиться ему было некуда, он медленно двигался в толпе, не замечая толкотни, шума, гама — день был воскресный. Не останавливаясь, прошел мимо кинотеатра — старенького здания, носившего звучное название «Новая эра». Возле кино, хочешь не хочешь, обязательно наткнешься на кого-то из знакомых, и потому он прибавил шаг. Но тут его окликнул знакомый голос:

— Проходит, своих не узнает.

Махмуд быстро обернулся на голос, встретился с насмешливым взглядом Шебалдина. Тот сидел на скамейке, надвинув кепку на большой с ранними залысинами лоб и подставляя солнцу лицо.

— Что за это полагается, а? — продолжал Шебалдин. — Если случайно, бутылкой можно ограничиться, если же нарочно, пятнадцать суток малю!

Махмуд хмыкнул, присел рядом с Шебалдиным, чувствуя, как засосало под ложечкой от недоброго предчувствия: тот работал в уголовном розыске. Познакомились они давно. Шебалдин как-то пришел в школу, где учился Махмуд, интересно рассказывал старшеклассникам о работе оперативников. После того вечера Махмуд и еще несколько ребят решили после школы пойти на юридический, записались в молодежный оперативный отряд, над которым шефствовал Шебалдин.

Прошло время, вместо юридического Махмуд попал на фабрику, потом поступил заочно в педагогический на филфак, но после первого курса бросил. неинтересно стало, тоскливо, как представил себя в роли учителя, но к Шебалдину время от времени все же заходил. Чем-то притягивал его этот человек. Наверное, какой-то определенностью, уверенностью, которых так не хватало Махмуду.

— Не заметил я, — буркнул Махмуд.

— Еще бы, когда впереди такая девушка идет, — подмигнул Шебалдин.

— Какая там девушка!

Шебалдин коротко глянул на Махмуда.

— Что не в духе?

— Н-нет, ничего... — Махмуд вытащил сигареты, чиркнул спичкой. — В армию вот уйду... Двадцать шестого.

— Хорошее дело, — Шебалдин улыбнулся. — Угости с фильмом.

Махмуд протянул ему пачку.

— А у вас что новенького? — стараясь говорить как можно спокойнее, спросил он.

Шебалдин затаился с наслаждением, выпустил дымок.

— Что у нас может быть новенького? Работаем.

Махмуда словно толкало что-то узнать о ночном происшествии. Он отвернулся, делая вид, что завязывает шнурок, спросил снова:

— Ну, а на работе как? Есть что-нибудь интересное? Или все спокойно?

— Спокойно. — Шебалдин снял кепку, провел рукой по

редеющим волосам. — Сегодня вот ночь не спал, только сейчас вышел пообедать, воздухом подышать...

— Случилось что? — голос Махмуда дрогнул, он испуганно глянул на Шебалдина, но тот шурился на солнце.

— Парня одного пырнули ночью

— Ну, и...

Махмуд не мог сдержать своего болезненно-настойчивого любопытства и смешался, поймав на себе удивленный взгляд Шебалдина.

— Что «ну и»?

— Нашли? — еще больше смешался Махмуд, кляня себя за любопытство и в то же время ощущая, что не сможет остановиться, пока не узнает всего, что известно милиции. — Поймали того, кто пырнул?

Он понимал, что нельзя продолжать расспросы, нужно встать и уйти, сделать вид, что ему неинтересен дальнейший разговор, понимал — и ничего не мог с собой поделать.

— Ищем, — буднично просто ответил Шебалдин. — Никуда не денется, найдем.

— А парень... которого ножом! Как он? Живой?

— В больнице.

— Значит, не сильно его, да?

— Пока неизвестно, — пожал плечами Шебалдин. — Состояние тяжелое, допросить не было возможности, врачи не подпускают. А! И так голова кругом идет. Поговорим лучше о твоей армии... Куда тебя, не знаешь еще?

— Нет.

Махмуд помолчал, потом встал, посмотрел на Шебалдина, снова сел рядом.

— Николай, мне бы поговорить надо с вами по одному делу, — вдруг прорвало его, он выпрямился, побледнел.

— Давай говори, — затушил сигарету Шебалдин. — О чем ты?

— Нет, — словно очнулся Махмуд и встал. — Не сейчас, потом... Это такой разговор, — он улыбнулся из последних сил. — Так сказать, сугубо личный, что ли... Отметить надо мою армию, а?

— На службе, брат, не употребляю. Даже пива. Ну, мне пора. Счастливо.

— Ага, вот ты где ходишь.

Махмуд вздрогнул, растерянно уставился на Малину, не зная, что сказать. Никого, никого не хотел он сейчас видеть, даже ее, и особенно с ней не хотелось ему сегодня встретиться.

— Привет. Откуда ты взялась?

— Привет, — улыбнулась Малина, взяла его под руку, пошла рядом. — Тебя искала. Честно. Не веришь?

Махмуд промычал что-то неопределенное, пожал плечами.

— Мама послала на базар, купить зелени... Я так и знала, что тебя встречу, а тут еще Каримчик... сказал, что видел тебя издали, ты в эту сторону шел...

— Ему бы не поваром, в уголовном розыске работать, — процедил Махмуд сквозь зубы и замолчал, думая о Шебалдине, о том, что едва не выдал себя.

А может, надо было сразу... в лоб, сказал—и все. Все! Вдруг посоветовал бы что-нибудь!..

Посоветовать-то, конечно, посоветовал — и в тюрьму.

— Э-эх! — невольно вырвалось у Махмуда, и он дернулся всем телом.

— Махмуд, что с тобой? — заглянула ему в лицо Малина. — Ты не рад видеть меня?

— Рад! Очень рад! Я еще вчера хотел, очень хотел... — Махмуд остановился, посмотрел ей в глаза, смягчился, погладил ее руку. — Все в порядке, Малия. Просто нервы... Не знаю, как ты тут без меня-то будешь.

— Писать буду, вот как. Каждый день, ты ведь знаешь, я люблю писать письма. Длинные-длинные. Пока ты одно письмо прочитаешь, второе придет, пока второе прочитаешь — третье, и так каждый день.

Махмуд улыбнулся грустно: Малина, ох Малинка! Милая, хорошая ты моя девчонка!.. Ничего-то ты не знаешь, не чувствуешь и не понимаешь, что творится у меня на душе.

Ему снова стало душно, он распахнул рубашку на груди.

— Не могу! Не могу я больше так, Малька! Если бы ты знала...

— Махмуд, тебе плохо? Ты заболел, заболел, да, Махмуд? — затормошила его за плечи Малина.

— Пойдем куда-нибудь лучше.

Он взял ее под руку, медленно повел вперед. Малина

шла рядом и молчала, только изредка бросала на него пытливо-настороженные взгляды.

— Куда же мы пойдем? — спросила наконец Малина.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Вот «Новая эра», еще можем успеть.

Они прибавили шаг. Возле кассы было всего несколько человек. Махмуд взял билеты на последний ряд.

— Какой фильм, ты хоть посмотрела? — спросил он Малину, когда они сели на свои места.

— Нет.

Давно погас свет, киножурнал сменили титры фильма, а Махмуд смотрел на экран широко открытыми глазами и ничего не видел, не слышал. Он снова был там, во вчерашнем дне, на улице, снова на его пути стояли те: удар, нож, крик...

Малина прижалась к нему, склонила голову ему на плечо. Махмуд непонимающе глянул на нее — кто это? Ах, да-а!..

Он погладил ее пальцы, все нормально, снова уставился на экран — там смеялись, один из героев набирал номер телефона, другие окружили будку и наблюдали за ним.

А что, если позвонить Шебалдину? Позвонить и сказать все по телефону? Через трубку его все равно не арестуют сразу, и он еще успеет... Что он успеет?

Перед глазами появилось лицо парня, того самого Графа, рот его был широко открыт. Он смотрел на Махмуда и что-то кричал, кричал беззвучно и потому страшно, держался за живот и кричал.

Махмуд вдруг начал вытирать ладони о брюки, судорожно, быстро-быстро.

— Пойдем.

Он встал, потянул Малину за собой.

— Куда?

— Не могу здесь! — он выпустил ее ладонь и быстро пошел к выходу, следом застучали ее каблучки.

На улице моросил дождь, Махмуд прислонился к дереву, несколько раз вздохнул полной грудью.

— Тебе все-таки плохо, ты побелел весь, — сказала она испуганно, погладила его по щеке.

— Ничего. Прошло уже.

Рассказать все? А зачем? И как она отнесется к его признанию?

Он затравленно оглянулся, ему все казалось, что за ним кто-то наблюдает, следит с улыбкой, мол, погуляй, погуляй, все равно никуда тебе не деться.

— Да скажи ты наконец, что с тобой происходит? — резко обернула его к себе Малина.

— Сказать? — Махмуд встретился с ее глазами, усмехнулся. — Тебе так очень хочется узнать?.. Ладно. Вчера была драка...

— Ты подрался, — улыбнулась Малина. — И поэтому так переживаешь?

— Вот именно «поэтому»! — закричал он, разозлившись на себя за то, что начал этот бесполезный разговор, начал и теперь не мог остановиться. — Там парня одного ножом пырнули. Ножом, понимаешь ты теперь? — жестко закончил он.

• — Ножом? А ты тут при чем? — она еще ничего не понимала. — Чего ты так?

— Я тоже... Я видел все, видел, кто ударил ножом, теперь тебе понятно? Меня тоже могут...

Глаза Малины были широко раскрыты, в них застыл испуг, удивление, она верила и не верила ему, было видно, как она борется с собой, пытается найти нужные слова.

Махмуд снова усмехнулся:

— Вот так-то.

— Но ты... ты ведь ни в чем не виноват! — она вдруг замолчала. — Или ты... Что же теперь нам делать? Скажи, ведь это не ты ударил? Не ты?

— Я! В том-то и дело, что я! — крикнул он, и вдруг, неожиданно для себя, успокоился. Теперь в нем не было страха, только какое-то оупение. Он сказал главное и теперь продолжал говорить, думая о себе, как о ком-то постороннем, о другом, которого оба хорошо знают, хотя и не называют имени.

— Вчера ночью... ножом, он в больнице, — Махмуд замолчал на мгновение, перевел дыхание, отвернулся. — Все! Теперь ты все знаешь и можешь идти.

— Куда?! — с тоской вскричала Малина, все еще не веря услышанному.

— Куда хочешь, — устало махнул рукой Махмуд. — Хочешь — в милицию, они ждут... Расскажи им все.

Он вдруг почувствовал такую слабость в ногах, что медленно сполз по стволу и сел прямо на мокрую землю.

Она опустила перед ним на колени, заглянула в лицо:

— Ведь это неправда, ты пошутил. Ты просто решил пошутить надо мной перед отъездом, да?.. Признайся, это была шутка! — теребила она его за рукав куртки.

На них стали оглядываться прохожие, но ни Махмуд, ни Малина не замечали этого.

Он невидяще смотрел сквозь нее, качал головой, из глаз его выкатились слезинки, смешались с каплями дождя; которые стекали по волосам.

Вдруг резко встал, посмотрел на Малину сверху вниз, бросил отрывисто:

— Ступай домой.

— Не пойду я никуда! — вскочила она, схватила его за руку.

— Оставь! — он резко выдернул руку. — Прошу тебя... иди домой. Может, увидимся вечером.

— Куда ты? — снова поймала его за руку Малина, умоляюще заглянула в лицо.

— Куда?

Махмуд замер на секунду, задумался, как бы спрашивая себя, что такое он надумал, пожал плечами.

— Не знаю. Ничего не знаю. Потом! Жди! Если не позволю, значит...

Он не договорил, повернулся и быстро зашагал прочь.

5

— Та-а-ак.

Шебалдин отодвинул лист бумаги, который лежал перед ним на столе, вздохнул, постучал карандашом, глянул на Махмуда, который сидел напротив, уронив голову на руки.

— Что же ты натворил, парень! Что же ты натворил!.. — И такая растерянность была в его голосе, что Махмуд не выдержал, плечи его затряслись.

— Не знаю. Сам не знаю, как это получилось! Я понимаю, я все понимаю... — Он поднял голову, посмотрел прямо в глаза Шебалдину. — Меня посадят?

— Н-да! — выдавил тот. — Это как суд решит... Хотя... что он еще может решить. — Впервые в жизни растерялся Шебалдин. Утешить парня? Да разве можно утешить человека в такой ситуации, и чем он может утешить? Отпустить? Этого он сделать не вправе, человек совершил преступление и должен понести суровое наказание: ножевое ранение — это...

— Эх, парень, ну как же ты мог?! — сокрушенно повторил он снова, не находя других слов. — Добро, хоть сам пришел. — Сейчас составлю протокол о явке с повинной.

В кабинет кто-то вошел. Махмуд оглянулся, увидел молодого лейтенанта, почти ровесника.

— Вот, — кивнул Шебалдин лейтенанту. — Сам пришел... признался во всем, это он вчера...

— Ясно, — усмехнулся лейтенант, скользя по Махмуду равнодушным взглядом.

Махмуду до жути стало ясно, что ничего не позади, самое страшное только начинается.

Дальше все было как во сне. Махмуд был в каком-то оцепенении, ему задавали вопросы, он отвечал, расписывался, снова отвечал и снова расписывался, перед ним мелькали лица знакомых и незнакомых, которые тоже что-то говорили, расписывались, уходили, а их место занимали другие. Казалось, это будет продолжаться до бесконечности.

Потом рядом с ним оказалась мать, он слышал ее голос, что-то отвечал. В кабинет кого-то вводили и выводили.

— Не переживай так, — похлопал его по плечу один из следователей. — Много не дадут. Явка с повинной — это уже кое-что.

— Да-да! — механически кивал Махмуд, даже улыбался. — Спасибо.

Опять рядом оказалась мать, прижала его голову к груди, гладила по волосам. Он чувствовал, как за воротник капаят слезы, она плакала тихо, беззвучно, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, ощущал, как она дрожит. В эти минуты он забыл о себе, думал только о том, что станет с матерью. Ему стало вдруг страшно от мысли, что он может никогда больше не увидеть ее. Хотелось кричать, рвать, крушить все, но он только еще сильнее прижимался к родной груди.

Потом он долго сидел один в какой-то комнате, опять подписывал бумаги, трясся в машине, его привезли в следственный изолятор, забрали ремень, шнурки от туфель. Дежурный, пожилой майор, перелистал топенькую папку, вскинул брови, разглядывая Махмуда:

— Ого!

И непонятно было, к чему относится его возглас: к возрасту подсудимого, к тяжести преступления или к чему-нибудь другому.

Майор долго писал что-то в своем журнале, потом хлопнул его, обратился к старшине:

— В тринадцатую.

Старшина провел Махмуда по узкому длинному коридору, казавшемуся из-за слабого освещения особенно мрачным, открыл тяжелую дверь камеры.

— Входи.

Махмуд вошел и тут же услышал, как за его спиной с протяжным скрипом захлопнулась дверь. Огляделся: три железные кровати вмонтированы в бетонный пол вдоль стен, на противоположной от двери стене у самого потолка маленькое окошко с толстыми железными прутьями в середине, на равном расстоянии от кроватей — массивный железный стол.

Махмуд сел на одну из кроватей, прислонился спиной к холодному бетону стены. В эту минуту открылось маленькое квадратное окошко в дверях и на Махмуда глянули спокойные глаза контролера.

— Подъем в шесть, умывание, туалет.

Окошко захлопнулось. Махмуд слышал, как медленно удаляются шаги, растянулся на кровати и закрыл глаза.

Вот и все. Конеч.

Хотелось плакать, но слез не было: он лежал на спине, ощущая сквозь тонкое сукно курточки мертвый холод железных полос кровати. Как хорошо было бы сейчас умереть и избавиться от всех мучений разом.

Умереть... Нет ничего легче, чего же ты ждешь? Никто за тобой не наблюдает, оконная решетка у самого потолка. Ремня нет? Порви майку, тебя она выдержит.

Махмуд перевернулся на живот, сжал зубами ладонь: ага, страшно, не хочешь умереть, то-то же...

День, второй, третий... Неделя, вторая... Махмуд перестал ощущать время, оно как бы остановилось для него. Целыми днями он лежал, устремив неподвижный взгляд в обсиженный мухами, потемневший от времени и табачного дыма потолок, и думал, думал, думал. Хотя, если бы кто-нибудь спросил его, о чем он думал, при всем желании он вряд ли бы смог связно ответить. Он скорее бредил, душа его как бы оставляла тело здесь, в камере, а сама устремлялась прочь, туда, на волю. Невидимая, не замечаемая контролерами и внешней охраной, она поднималась к потолку, проскальзывала сквозь решетку, облетала небо, чистое, без единого облака, без птиц, будто вымершее, летела дальше, туда, где осталась мать, где так же, как и раньше, смеялись знакомые, товарищи... И только резкий окрик надзирателя возвращал ее назад, соединял с ненавистным телом.

— Не лежаты! — тарабанил тяжелыми ключами о

дверь контролер, заглядывая в круглый глазок. — Днем спать не положено!..

Контролер уходил, и Махмуд снова погружался в это странное состояние. Рассудок никак не хотел примириться с настоящим, все ему казалось, что это настоящее всегонавсего сон — кошмарный, затянувшийся сон. И стоит ему проснуться, как все исчезнет, он снова окажется дома, рядом с матерью, с Малиной...

Но он просыпался, открывал глаза и каждый раз вновь и вновь убеждался, что все это — не сон, а кошмарная действительность, которая растянется на годы, на бесконечно долгие годы. Иногда он вскакивал с кровати, метался по камере, кричал, колотил о стены, обдирая в кровь кулаки. И все так же наблюдало за ним сквозь решетку равнодушное небо, стучал ключами о засов контролер, советуя вести себя как положено, чтобы не оказаться в камере.

— Карцер!.. Да не пугайте меня своим карцером! — вопил Махмуд. — Плевать я хотел на ваш карцер!

Контролер некоторое время наблюдал за взбесившимся парнем в глазок, потом уходил, видимо, жалея его, дурака; а Махмуд снова падал на кровать, охваченный оцененным.

Однажды загремел засов, протяжно завопила дверь и в камеру вошел парень.

— Принимай нового жильца, — сказал контролер и захлопнул дверь.

Маленькие глаза на обветренном, шелушащемся лице скользнули по Махмуду, цепко обшарили камеру.

— Та-а-ак! — хмыкнул «жилец» и, насвистывая себе под нос, прошел к свободной кровати, бросил на нее матрац, расстелил, сел, глянул на стол, чему-то ехидно хмыльнулся. Встал, подошел к двери и несколько раз пнул ее.

— Ну, чего тебе? — глухо раздался голос контролера.

— Закурить бы, начальник! — сказал парень, подмигнув Махмуду.

— Закурить, закурить! — заворчал за дверью довольно добродушно голос. — Где я тебе возьму закурить?

— Ну попроси у кого-нибудь, курить охота.

— Попроси ему... С собой надо приносить.

Шаги удалялись. Парень прислушался, опять хмыкнул, вернулся на свое место. Он был совершенно спокоен, точ-

но знал, что просьба его будет выполнена, и, действительно, через несколько минут открылось квадратное окошко в дверях и в камеру заглянуло усатое лицо.

— Возьми, — сказал надзиратель, протягивая горсть махорки на газете.

— Спасибо, дядя Ваня, — улыбнулся парень. — Хороший ты человек.

Контролер посмотрел на него, не скрывая удивления.

— Ты меня знаешь?

— Знаю, дядя Ваня, — хитро подмигнул новый сосед Махмуда.

— Откуда? — еще больше изумился контролер.

— Секрет фирмы, дядя Ваня!

— За что попал?

— За скуку, — скручивая козью ножку, говорил парень. — Когда душе скучно, люди даже в петлю лезут. А я вот развлекаю ее.

— Кого? — не понял дядя Ваня.

— Душу, — укоризненно глянул на него парень. — Душу, дядя Ваня. Она в человеке — как это — хилесова пятка. Слыхал о такой?

Контролер пожал плечами, захлопнул было окошко. Но новичок снова окликнул:

— Огонь-то есть?

Контролер вынул из кармана коробок, подумал, махнул рукой:

— На, забирай.

Окошко захлопнулось. Махмуд с интересом разглядывал своего нового соседа, который, по-видимому, знал, куда идет, и потому оделся основательно — теплая фланелевая рубашка, толстые шерстяные брюки, ватная фуфайка, сапоги. Махмуд вспомнил, как несколько суток мерз в своей синтетической курточке, спасибо, сердобольный надзиратель сообщил начальству, и мать передала свитер.

— Откуда ты его знаешь?

Парень усмехнулся, чиркнул спичкой, кивнул на горку махорки.

— Кури.

Махмуд неумело скрутил «козью ножку», потянулся за спичками.

— На, прикури, — остановил его новенький, — спички беречь надо... Первый раз здесь?

— Угу, — кивнул Махмуд, прикуривая от окурка. — А ты?

— Звать-то как? — вместо ответа спросил парень.

— Махмуд.

— А меня — Серега... Курочкин... Кура, не слышал такого?

Махмуд покачал головой и спросил в свою очередь:

— А сюда за что?

— За что? — Курочкин глянул на него, помолчал. — Знаешь, чтобы я тебе посоветовал?

Махмуд смотрел на него непонимающе и ждал.

— Не задавай лишних вопросов, особенно таких: за что, почему, с кем, понял?

Махмуд закивал торопливо, хотя ничего не понял. Курочкин довольно усмехнулся, осторожно погасил самокрутку, прошел в угол, положил бычок на одну из полок для продуктов.

— Я-то тебя просто предупредил, — веско сказал он, возвратившись на свое место. — А другие могли и похуже, понял?

— Я же не знал.

— Теперь... знай, — Курочкин улегся на кровати, сладко потянулся. — Я тоже бы не знал, умные люди научили, — зевая, закончил он.

Махмуд тоже прилег на бок.

— Сам-то... за что сидишь? — окликнул его через минуту Курочкин.

— За нож! — охотно отозвался Махмуд, приподнимаясь на локте. — Ударил одного ножом. — Он совсем забыл, что Курочкин-то ему ничего о себе не рассказывал.

Курочкин удивленно свистнул, приподнялся.

— Насмерть?

— Не знаю...

— А ты парень, видно, ничего, — засмеялся Курочкин. — Зови меня Курой, понял.

Стосковавшись в одиночестве, откликаясь на доброе слово, Махмуд вдруг начал длинно, со всеми подробностями, точно боялся, что ему не поверят, рассказывать, что и как с ним произошло. Он говорил лежа на спине, не видя собеседника, словно самому себе, как бы заново переживая, переосмысливая ту ночь. И снова цеплялся за единственное, спасительное...

— Ведь они первые на меня напали, я только защищался, — закончил он свой рассказ.

— Ты эти сказки мамке своей говори, — отозвался Кура, тоже глядя в потолок.

— Но у меня же еще явка с повинной!

— Иди ты со своей повинной! Сам в петлю полез, дура!

— Что же теперь будет? — Махмуд в отчаянии обернулся к Кура. — Сколько мне дадут, а?

Тот как будто ждал этого вопроса, ухмыльнулся снисходительно:

— Если тот живой остался, от трех до восьми. — Возьмем середку — четыре года, два отсидишь, остальные на поселение, ерунда!

— Четыре года?! — вскричал Махмуд, без сил опустился на кровать.

Четыре года! Целых четыре года. Да за это время... за это время он умрет тысячу раз! Ведь Шебалдин говорил, что от силы три года... Но если статья от трех до восьми, значит могут и не четыре, а даже больше!..

— Да что же это такое, а?! — простонал Махмуд. Он совершенно забыл, что в камере теперь он не один, что за ним наблюдают насмешливые глазки Куры.

— Хорош! Хватит тебе, ну! Завыл..

Кура сел, облокотился о стол, устремил на него свои кругленькие серые буравчики.

— Студент?

Махмуд замотал головой.

— Был когда-то. Заочник.

— Студент, — насмешливо подтвердил Кура. — Береги нервы, они тебе еще пригодятся... Четыре года — не вся жизнь, вернешься, восстановишься, сразу с умными людьми столкнешься. Понял?

Махмуд заворуженно слушал его.

— Глянь на меня, — Кура согнул руку, вздул крепкие бицепсы. — И запомни: чтобы жить хорошо, нужно иметь когти и клыки побольше. Толковый дядя сказал, не я.

Махмуд улыбнулся, ему вдруг стало легче.

— Хе-хе, — подмигнул ему Кура. — То-то, а сейчас на боковую, спать хочу. И ты давай, чтоб ни звука! Спи!

Махмуд закрыл глаза и незаметно для себя уснул. Впервые с тех пор, как он попал сюда, ему приснился сон, хороший сон. Махмуд увидел себя маленьким мальчишкой, озорным, беззаботным. Он бежал по холмистой горе вверх, бежал, не ощущая усталости, крича что-то и размахивая деревянной самодельной саблей, а за ним бежали такие же, как он, мальчишки из соседних дворов.

Махмуд видел себя, улыбался блаженно, счастливо, окунаясь всем существом в то неповторимое время.

Машина дернулась еще несколько раз и остановилась, яркий свет из распахнувшейся двери ослепил, и с минуту Махмуд ничего не видел, сидел неподвижно в своем закутке.

— Выходи, — позвал его конвоир.

Первый, кого увидел Махмуд, прыгнув на землю, была его мать, она стояла у самого входа в отделение милиции. Следователь сказал ей, что сегодня его привезут, и она засветло была уже здесь, боялась опоздать. Она еще больше постарела за эти недели, даже ростом стала будто поменьше. А ведь сама бывший следователь, всегда строгая, собранная, вечно занятая была...

— Мама! — горло перехватило, он закашлялся.

— Сынок!

Она сделала несколько нерешительных шагов к нему, взглянула на конвоира.

— Не положено! — преградил тот дорогу, бросил Махмуду: — Проходи, ну!

Махмуд опустил голову, быстро прошел мимо матери, боясь еще раз увидеть в ее глазах тоску, упрек, что-то такое, что не определить никакими словами... Все же они встретились. Оказывается, перед тем, как пройти к следователю, ему разрешили свидание, и мать суетливо развязала узелок, разложила на столе белые мягкие лепешки, зажаренное, еще горячее мясо в плоской миске.

— А это тебе тетя Вера прислала, — бормотала она, развертывая перед Махмудом сверток с ватрушками, пирогами с капустой, домашним печеньем. — Малина тоже здесь, на улице... там стоит.

— Зачем? — отшатнулся как от удара Махмуд. — Не надо...

Мать замолчала, некоторое время смотрела, как он ест, не выдержала, прижала платок к глазам.

— Ну, мама! — с упреком сказал он.

— Ничего, ничего. Сейчас пройдет, — она попыталась изобразить на лице улыбку. — Соскучилась очень, боялась, опять не привезут.

Махмуд понял, что она уже не раз ждала его здесь.

— Как ты сама, мама? — он отодвинул узелок, подсел к ней поближе. — Как здоровье?

— Ничего, здорова. — Она отвернулась. — Одно мне теперь нужно, одно осталось... Дождаться тебя.

— Что теперь говорить об этом, — поморщился Махмуд.

— Я позову ее, — глянула на дверь мать. — Очень хотела она тебя увидеть, плачет все.

— Не надо, мама, — заколебался Махмуд. — Не хочу я... в таком виде...

— Я позову, поговори с ней, — мать поспешно пошла к дверям. — Ей тоже разрешил следователь...

— Ну перестань, Маля, милая. Не плачь, прошу тебя, слышишь! — Он гладил ее по волосам, умоляюще смотрел на мать, растерянно на конвоира, сидящего возле дверей. — Мне и так тяжело, Маля! — Он резко оторвал ее от себя. Малина вздрогнула, размазывая тушь на ресницах, заговорила быстро, глотая слова и не вникая в их смысл.

— Я ничего... я так... ты же знаешь, какая я плакса... Все прошло, уже... видишь, не обращай на меня внимания. — Она провела рукой по его небритой щеке. — Колючий какой...

— Не успел побриться. Неожиданно вызвали.

— Наши девчонки из группы тоже хотели прийти со мной.

— Этого еще не хватало... Зоопарк нашли, — нахмурился Махмуд.

— Я тоже так подумала... сказала — нет и все.

В комнату заглянул милиционер, сказал конвоиру:

— Умарова к следователю.

— Пора, — поднялся тот.

Махмуд пошел к двери, остановился, обернулся. Мать тяжело осела на стуле, неподвижно глядя на него.

— Ты... заглядывай к матери, — сказал он Малине. — Пожалуйста, не оставляй ее.

— Конечно, — торопливо согласилась Малина, обняла мать за плечи. — Не беспокойся... я каждый день буду заходить к вам... не думай ни о чем.

7

Сегодня Махмуд никак не мог уснуть, он лежал с открытыми глазами, лицом к стене. На соседних койках спали соседи по камере, кое-кто могуче храпел, казалось, этот храп вот-вот разорвет камеру на части, но Махмуду он не мешал, Махмуд его просто не слышал.

Дважды шелкнул замок, открылась дверь.

Проверка. Махмуд не шевельнулся: не глядя на дверь, он видел начальника смены, который как обычно тычет связкой ключей в сторону кроватей: раз, два, три, четыре... Позади застыли контролеры — одни сдают смену, другие принимают, одни с нетерпением ждут конца процедуры, другим все равно, они только что пришли на дежурство, впереди целая ночь, им торопиться некуда.

Пять, шесть, семь...

Служба: одни сидят по камерам, другие их охраняют. Так было, так есть и будет. Но почему, почему именно он должен был оказаться в положении охраняемого?

Глаза его привычно скользили по грубой штукатурке. «Виктор Швабра, ст. 81 — 10 лет». Эту надпись он хорошо изучил. Статья 81... это, кажется, убийство. Нет, даже находясь здесь, в замкнутом пространстве из четырех стен, когда, казалось ему временами, лучше умереть, когда ему стало понятно чувство тех, кто бежал из колонии, хотя им оставалось выдержать считанные недели, и то он не мог, не хотел пожалеть этого. Ведь на месте жертвы, страшно подумать, могла оказаться его мать, Малина... Как они там, без него?..

Нет, таких не жалко. А вот себя он жалел. Ему казалось временами, что вот-вот случится чудо. Все прояснится само собой, следователь прочтет его мысли, перепишет протоколы, те, кто его ночью встретили, признаются во всем, скажут прямо, что они первые на него напали, а он просто защищался, и потому его надо немедленно освободить. И вот уже следователь несется к прокурору, прокурор в изолятор, а здешнее начальство...

Железные ворота открыты, и он на свободе. Идет по улице, и никто не смотрит на него как на преступника, все знают, что это была всего-навсего досадная ошибка и теперь все прояснилось, он — невиновен. Но дома еще об этом не знают: Малина наливает в пиалу чай, протягивает матери и вдруг так и застывает с пиалой в руках. Глаза ее широко открыты, она смотрит на дверь и не моргает глазами. Мама тоже смотрит на него, она тоже не верит сначала, потом кидается с плачем к нему: сыночек, сыночек мой!.. И Малина тоже летит к нему, обнимает, целует: «Ты!.. Ты это!.. Ты вернулся!.. Тебя отпустили!.. Я знала, я всегда знала, что есть на свете правда!..»

— Не правда, а чудо! — поправляет он Малину, подходит к дивану, усаживает рядом мать и Малину и начинает рассказывать, как все произошло. Он говорит долго,

так долго, что не замечает, как Малина сначала делает ему какие-то знаки, потом начинает дергать его за руку, пытается что-то сказать, украдкой показывая на дверь. Наконец он оборачивается и замечает на пороге двоих в милицейской форме, один из них подходит ближе, вынимает наручники, щелкает на его запястьях:

— Бежать надумал!

— Как — бежать?! — хочет крикнуть он. — Меня же освободили, случилось чудо! Я ни в чем не виноват, меня оправдали!

— Чудес не бывает, — спокойно говорит второй милиционер, беря его под руку с другой стороны. — Пошли.

— Кто же тебя оправдал, если из архива новое дело пришло! — говорит первый, зловеще усмехаясь.

— Какое дело? Нет у меня никаких дел в архиве! — хочется крикнуть Махмуду, но слова застревают в горле. Они превратились в нечто вещественное, материальное, и если он начнет говорить, то задохнется. Но еще больше пугает то, что его сейчас уведут, уведут обратно в тюрьму... — За что? — только и вырывается у него.

— За что? А история с часами, забыл? Ай, яй, яй, яй! — укоризненно грозит пальцем первый милиционер, и вдруг Махмуд с ужасом узнает в нем...

— Юрка!

— Узнал? Ну, то-то! Пошли.

И нет уже рядом ни матери, ни Малины. Снова он трясется в машине, идет по длинному тюремному коридору, вот знакомый поворот, камера, скрежет открываемого запора...

— По-дье-о-ом!

Махмуд открывает глаза: фу ты, ну и сон приснился.

— Подъем! Быстро, быстро! Через две минуты не встаете, пойдете умываться последними!

Слышно, как он уже стучит ключами о дверную ручку соседней камеры, кричит своим зычным голосом...

Махмуд хорошенько ополоснулся ледяной водой, но из головы все никак не выходил ночной сон. Вспомнилась последняя встреча с адвокатом: тот долго и нудно расспрашивал его о друзьях, о детстве. Смешно, при чем тут его детство, друзья? Не они же виноваты в том, что он оказался здесь, а вопрос о любимых книгах — вообще как в кино: вдумчивый талантливый адвокат расспросил, выяснил, представил, доказал...

— Умеешь через стену переговариваться?

На кровать присел Фарид, попавший сюда за хулиган-

ство. Он сидел уже два с половиной месяца и считал себя старожиллом.

— Зачем?

— Пригодится, — подмигнул Фарид. — Смотри.

Он приложил ухо к стене и постучал по ней несколько раз оловянной кружкой. Через несколько секунд явственно раздался ответный стук. Фарид подмигнул Махмуду, перевернул кружку пустотой к стене, а ухо приставил к дну.

* — Лопочет, — улыбнулся он Махмуду. — Пашка... сидит по...

Дверь распахнулась, и на пороге застыл контролер.

— Все, начальник! — отпрянул от стены Фарид, ловко сунув под одеяло кружку. — Ухо просто горячее, кто-то ругает, видать... Охлаждаю вот.

— В карьере быстрее охладится! — спокойно замечает контролер и, оглядев камеру, захлопывает дверь.

Фарид сконфуженно посмотрел на Махмуда, развел руками и вернулся на свое место.

Открылось окошко в дверях:

— Дежурный, хлеб принимай.

К окошку подошел дежурный по камере, начал складывать буханки на полки, подносить кружки под сахар.

Махмуд закинул руки за голову, стал смотреть в потолок. Нет, наяву чудес не бывает, и никто на свете не освобождает его от наказания, ничто не сможет оправдать его поступка. Какие мягкие эпитеты он ищет! Нет, преступление он совершил, и надо называть вещи своими именами—преступление. Но почему ему вспомнился Юрка?..

Юрка... Имя-то он вспомнил, а вот фамилию... Забыл, да и зачем нужна сейчас фамилия? И она, и сам Юрка!..

Махмуд вздохнул, попробовал думать о другом, но мысли вновь и вновь возвращались к Юрке, и перед глазами вставало то далекое утро, когда он впервые увидел его. Из окна директорского кабинета Махмуд видел русоволового кудрявого крепыша с красной повязкой дежурного на руке, который расхаживал у железных ворот интерната.

Директор Абдурахман Кадырович. Его фамилию Махмуд тоже не помнил, полный, обритый наголо мужчина, сидел в громоздком кожаном кресле и, слушая тетку Махмуда, лениво отпивал из большой пиалы горячий зеленый чай.

Тетка, старшая сестра матери, быстро-быстро говорит что-то Абдурахману Кадыровичу, часто вытирая невидимые слезы маленьким платочком.

— Сестра в больнице, Абдурахман-ака... эти проклятые машины... скоро совсем от них не будет спасения!

— Не знаю, не знаю, что и делать... Мест свободных нет, я уже отвечал, когда мне звонили по вашему поводу...

Абдурахман Кадырович вытер лысину большим расшитым платком, обернулся к Махмуду:

— Ты выйди пока, мальчик, на улицу, а мы тут с тегей твоей поговорим.

— Да, да, Махмуджон... выйди, погуляй там...

Махмуд вышел во двор, медленно приблизился к крепышу, который остановился и исподлобья наблюдал за ним.

— Ты дежурный, да? — спросил Махмуд, указав на повязку.

— Ну и что? — вызывающе буркнул крепыш, оглядывая тощего Махмуда.

— Нет, я просто так...

— Новенький?

— Да... Только не знаю... мест, говорят, у вас нет свободных, — сказал Махмуд, кивнув на директорские окна.

— Ну да! — усмехнулся крепыш. — Слушай его больше...

— Я тоже так думаю, — сказал Махмуд. — А как тебя зовут?

— Юрка, — ответил крепыш. — Сирота, что ли?

— Ага, — кивнул Махмуд. — Мать в аварии попала, в больнице лежит.

— А отец?

— Нету! — Махмуд снова глянул на окна. — Тетка там... из района приехала.

— Махмуджон, иди сюда! — раздалось из окна. — Директор с тобой поговорить хочет...

— Чего задумался? — позвал голос Фариды. — Каша остынет.

Махмуд нехотя поднялся с кровати, сел за длинный общий стол, придвинул к себе миску, нехотя поковырял ложкой. Сколько себя ни уговаривал, никак не мог привыкнуть к овсянке, не лезла в горло. И сейчас он отодвинул миску, налил в кружку чаю, отрезал кусок хлеба и вернулся на свою кровать, он привык пить чай здесь — никто не мешает, не лезет с разговорами.

— Кому добавки?

Фарид быстро распорядился его кашей и отнес пустую миску к двери. Махмуд хлебнул из кружки, обжег губы, помешал ложкой сахар... Так вот он и попал в интернат и проучился в нем четвертый, пятый, шестой и седьмой классы. Четыре года — казалось бы, долгий срок, а вспомнить...

Махмуд хмуро усмехнулся: не очень-то ему хотелось вспоминать эти годы в интернате. Хотя кто в этом виноват? Только он сам.

Снова — он сам...

Махмуд лег, вытащил из-под подушки книгу Джека Лондона «Морской волк», открыл на загнутой странице, начал читать, но вскоре отложил книгу...

Зависть всех ребят вызывали Юркины часы «Молния», большие, круглые, на длинной посеребренной цепочке. Он никогда не расставался с часами, всюду носил с собой в кармане брюк. Часы эти и стали источником всех бед, которые потом посыпались на Махмуда.

А началось все из-за глупой болтовни, вернее — вранья. Хотя и враньем-то это не назовешь... Любил Махмуд придумывать разные истории и до того здорово придумывал, что сам начинал верить в них, рассказывая по ночам Юрке, предварительно, конечно, взяв с него клятву, что тот никому никогда не разболтает. Однажды он и поведал Юрке, что нашел в горах клад — много бриллиантов, золота, украшений разных, кинжалы, сабли. Даже корона одна есть, наверное, хана какого-нибудь, спрятал после революции, утащить все с собой не смог, вот и припрятал до поры целый сундук. Вот они подрастут, выкопают сундук и начнут путешествовать: купят по машине, по пистолету, чтобы от бандитов разных защищаться, а еще лучше — коней, не нужно с бензином возиться, да и в горах лучше, везде можно проехать... И еще там часы в сундуке есть, золотые, а стрелки в них бриллиантовые, светятся ночью, каждый час музыка играет, и никогда она не повторяется, всегда разная. Эти часы будут Юркины, честное слово, потому что там есть еще одни, почти такие же, только чуть-чуть отличаются крышкой и еще тем, что у них с обратной стороны компас есть. Эти, которые с компасом, он заберет себе, если, конечно, Юрка не против, если же они ему больше понравятся, пусть забирает, ему не жалко.

Юрка всегда верил его рассказам, но тут будто подменили его. Если у Махмуда есть клад, пусть докажет.

Пожалуйста, хмыкнул тогда Махмуд. Что он должен сделать, чтобы Юрка ему поверил?..

Через два дня у Юрки пропали часы, ночью он, как всегда, положил их под подушку, а утром часов уже не было. Перерыли постели, облазили все углы, но часов так и не нашли.

А еще через несколько дней Махмуд устроил одноклассникам настоящий пир: купил пирожных, хороших шоколадных конфет, десяток бутылок лимонада.

— Ну, как? — подмигнул Юрке. — Теперь веришь, что у меня есть клад?

Только Тахир смотрел на него с какой-то странной улыбкой.

— Ты молоток! — сказал он вдруг, улучив минуту, когда они были одни во дворе. — За сколько загнал?

— Чего... «загнал»? — отпрянул от него Махмуд и похолодел внутренне.

— Брось! — оборвал Тахир. — Не бойся, не выдам. Скажи только, за сколько загнал часы?

— За тридцатку, — отвел глаза Махмуд.

— Балда, они вдвое дороже, наверное, стоят.

С того дня начались мучения Махмуда, он превратился чуть ли не в раба: Тахир при всяком удобном случае подчеркивал свое превосходство, угрожал, если Махмуд с чем-нибудь не соглашался:

— Забыл?.. Смотри, Махмуд, стоит мне захотеть—и тебе хаана, понял?

Он это понимал и молчал. Смирялся. Страшно было даже представить, что будет, если ребята узнают... Что делать? Мать в больнице. Попросить денег у отчима, чтобы купить Юрке часы? Нет, обращаться к отчиму? Ни за что! Он стал избегать всех, все больше и больше уходил в себя, но от Тахира нельзя было спрятаться, тот везде находил его, посмеиваясь, таскал его за собой, и за каждым его словом Махмуду слышалось: ты в моих руках, чуть что...

Развязка наступила, как Махмуд и ожидал, очень скоро. Однажды он отказался сделать для Тахира что-то особенно унижительное, и тот тут же, в отместку, рассказал водителю, кто виноват в пропаже Юркиных часов.

Евгений Александрович, так звали водителя, вызвал Махмуда, и вскоре они уже были у часовщика, который купил злополучные часы.

Юрка получил свои часы, и в тот же день, на всеобщей вечерней линейке, он подошел и ударил Махмуда по ли-

цу. Тот опустил голову, лицо его полыхало от стыда, от мучительного стыда и обиды, он стоял, ожидая новых ударов, но Юрка повернулся и встал на свое место.

Махмуд убежал с линейки под всеобщее улюлюканье. Стоя на коленях на берегу сая и обмывая лицо ледяной водой, он еще долго слышал издевательский, уничтожающий смех и оскорбительные выкрики своих одноклассников, ребят из младших классов...

Но на этом не кончилось. На следующее утро был урок русского языка, на который он опоздал.

— А вот и наш миллионер! — сказала Маргарита Георгиевна, невысокая, сутуловатая, с желчным лицом старой девы. Черная мохнатая родинка большой мухой дрогнула над ее верхней губой. — Благородный граф Монте-Кристо.

Махмуд улыбнулся учительнице беспомощно, заискивающе, словно умоляя ее защитить его, а вокруг хохотали ребята и девочки.

— Натырил у всех, потом подсчитал — миллион! — крикнул Тахир.

— Часы с камнями и музыкой, а мой слямзил, — подал голос Юрка. — Миллионер паршивый!

— А что, — сверкнула своими вытаращенными глазами толстуха Галка. — Может, он и вправду миллион наворовал, надо проверить.

Махмуд побелел, съежился, точно его окружили со всех сторон враги, которые только и ждут сигнала своего вожака, чтобы кинуться на него. И вдруг душу захлестнула дикая ярость, в ней потонули и позор, и сознание своей вины.

— Ненавижу, всех вас ненавижу!

Стало тихо, так тихо, будто неожиданно разразился гром, который напугал всех, заставил проглотить смех...

8

— Встать!

Махмуд вздрогнул, вскочил на ноги, больно ударившись головой о верхний ярус железной кровати.

В камеру вошли несколько человек в форме во главе с майором, начальником следственного изолятора, остановились посередине камеры.

— Гражданин начальник, в двадцать третьей камере пятнадцать человек, отсутствующих нет. Дежурный по камере Курочкин.

— Здравствуйте, — кивнул майор и оглядел застывших в стойке «смирно» подследственных.

— Здравствуйте! — рявкнули в ответ.

— Жалобы есть?

— Свидание бы, гражданин начальник!

— По разрешению следователя.

— Когда ларек, гражданин майор?

— Вас предупреждали: раз в пятнадцать дней.

— Библиотекарши давно нет, книги пора менять!

Майор оглянулся, тут же вперед выступил начальник смены с погонами лейтенанта:

— Сегодня книги сменяют, я уже сделал замечание.

Майор обратился к книголюбу:

— Ясно?

— Ясно, гражданин начальник.

— Есть еще вопросы, жалобы?

— Гражданин начальник... у меня есть! — вперед шагнул Махмуд.

— Слушаю вас.

— Скажите... у меня лично... простите!.. Я просто,—отсмешался, не зная, с чего начать. Пауза затянулась, майор нетерпеливо дернул бровью:

— Слушаю вас, говорите.

— Мне хотелось бы узнать, — краснея, выдавил наконец Махмуд, — сколько мне могут дать... на суде?

— По заслугам, — угодливо хихикнул кто-то за спиной Махмуда.

Майор недовольно нахмурился.

— Разговорчики!.. По вашей статье, — обратился он к Махмуду, — положено от трех до восьми. Суд все учтет и решит соответственно. Ясно?

— Ясно, — потухшим голосом повторил Махмуд.

— Успокоился? — похлопал его по плечу Кура, когда за начальством закрылась дверь.— Я ж тебе говорил, а ты все не веришь.

Махмуд не ответил, откинулся к стене, раскрыл книгу. За столом резались в «козла», спорили, даже смеялись неудачному ходу, ошибке соперников.

— А еще помню, был со мной такой случай, — продолжал, видимо, свой рассказ Пухов, ожидающий суда за участие в хищении... — Вызывает меня шеф мой, так мол и так, Пухов, срочно нужно три тысячи. Я делаю глаза яблоками, откуда, Аванесыч, нет у меня таких денег. Он смеется, пальцем грозит: «Знаю тебя, черт хитрый!» Он меня всегда чертом хитрым называл в хорошем настроении. На

до, понимаешь, говорит, комиссия к нам едет, угостить хорошо нужно, гони три тысячи, а сам за лесом поедешь, понимаешь?

Я ему свое гну: «Где же взять эти три тысячи? Сами знаете, недавно сына женил, то, се!..» Он разозлился, стучит по моему лбу пальцем: «За лесом тебя посылаю, на грузовиках повезешь, понял ты, наконец? За лесом! В накладе не будешь».

Понял я, все понял. Принес ему после обеда деньги, а машины уже ждут... Рванули мы на Урал, нагрузились, остальное по железной дороге пошло, проезжали через один кишлак, скинул я тышчонки на четыре, поехал дальше, ничего не знаю... а возле перевала меня уже ждут. Горяченького повязали...

— А шеф твой как? — спросил Пухова один из партнеров по домино.

— Нормально, что с ним станет! Не могу же я человека такого подвести. Благодетель. Он мне после помог. — Пухов стукнул по столу костяшкой. — Рыба! Считаю очки!..

— Помог! — ухмыльнулся кто-то. — Вот опять сидишь.

— Ну, это уже совсем другая история, — буркнул по-мрачневший Пухов. — Тут всех помели...

Махмуд смотрел в книгу, но ничего не видел, строчки перед глазами расплзались. Казалось, еще немного, и сон сморит его, но Махмуд давно знал уже, что это не так, сон так же легко улечучится, стоит ему закрыть глаза. Ему нравилось это состояние, которое, как легкое опьянение, затуманивает рассудок, расслабляет нервы, в такие минуты легко уходить в грезы, в далекие воспоминания...

Был ли потом у него такой друг, как Юрка, с которым ему было легко, который бы понимал его, слушал, верил, был ли такой человек, перед которым хотелось раскрыться, поделиться чем-то потаенным, пусть нехитрыми, но казавшимися для него очень важными и неотложными мыслями, переживаниями?.. Нет, не помнил он такого человека. Был, конечно, Володя Маков — тот понимал его без слов, покровительствовал, но держался как-то в стороне, словно ждал чего-то от самого Махмуда. Но и тот уехал... Было много приятелей, которые всегда приходили к нему домой, на любые праздники, хотел он этого или не хотел, и ему нравилось это, нравилось чувствовать себя единственным, незаменимым, без которого не обходится ни одно торжест-

во, которого любят, уважают. И он посещал их так же бездумно, бесцельно... Бывали, правда, минуты, когда он ощущал в себе страшную тоску, непонятную, неожиданную тоску от той пустоты, которая окружала его, ставила его перед вопросом — что же дальше, как он представляет себе свое будущее? И тогда он чувствовал себя одиноким, невыносимо одиноким, никому не нужным, хотелось уединиться от всех, разобраться в себе, поразмыслить о жизни, подумать, почитать, просто побыть одному. Но это почти никогда не удавалось, всегда кто-нибудь оказывался рядом, и снова он начинал кружиться в водовороте пустых разговоров, мелких споров, интрижек. Расходились далеко за полночь, осоловелые от вина, бит-музыки, нескончаемого галдежа. Потом он виновато обнимал мать, в который раз обещал, что это в последний раз. Она не любила, когда он пил, говорила всегда: вино и горе живут рядом, неразлучно друг с другом. Он соглашался с ней: «Все, мама! Все, больше не буду».

«Ах, сынок! — говорила она. — Я понимаю, вам, молодым, хочется жить весело. Я не против, собирайтесь, танцуйте... Но во всем нужно знать меру. Мне всегда немного страшно, когда я смотрю на вас. Вдруг что-то случится и рядом в ту минуту не окажется человека, который бы трезво оценил ситуацию, нашел правильный выход... Кровь горячая, потом поздно будет...»

Накаркала!

В душе поднялась злость, но тут же сменилась острым чувством жалости к матери, к самому себе. Разве мог он тогда, во время этих разговоров, представить худшее, чем то, что с ним случилось? Не мог, да и не желал... Слова перестают быть словами только тогда, когда событие уже произошло, когда наступила расплата, когда уже ничего не повернуть вспять. И от тебя вдруг отделяется твое второе «Я», которое с невозмутимым спокойствием раскладывает перед тобой твое прошлое, твои промахи — вольные и невольные. Обнажает то, в чем ты никогда не признавался даже самому себе, закрывал глаза — это не я, я не такой, я не могу себе такого позволить. Но вот случилось такое, и твой двойник с улыбкой Мефистофеля сидит напротив и наблюдает за твоими конвульсиями, ему смешны твои попытки отмежеваться от самого себя, смешны и противны.

Маля, Малиночка моя!.. Не ты ли говорила: «Отольют тебе мои слезы!» Вот и отлились.

Махмуд вспомнил себя, как разговаривал обычно с

девчонками. Не глядя, свысока, словно каждое его слово для них — закон.

Ох, головой бы этого законника об стену, чтобы мозги все повывлетали!.. Учился плохо, работал так себе...

Кто же он? Ни рабочий, ни студент... Ну, теперь-то ясно — без пяти минут осужденный...

— Разговорчики! — привычно постучал ключами контролер. — Всем спать.

— Иди ты, колбаса ходячая! — огрызнулся вполголоса Кура. В тусклом свете лампочки видно, как сверкнули его глаза, он нервно потер подбородок, снова лег.

— Ну и что дальше? — нетерпеливо спросил Фарид.

— Шоферяга этот получал на базе контейнеры с добром всяким: шелк, шерсть, импорт-экспорт разный... — продолжал Кура увлеченно. — Представляешь, миллионы там у них были, и все шито-крыто. Гуляли как черти. В ресторанах нельзя, засекут сразу, так они летали в Москву: номер в гостинице, девочки классные. Утром прилетел, подзарядился, а вечером назад. А иногда компанией собирались на душевную разгрузку: лагерь снимут пионерский где-нибудь в горах, зимой там, кроме сторожа, никого, гуляют несколько дней с девочками, пьют до чертиков. Эх-ха, вот жизнь!.. Годик бы хоть так погулять, а потом хоть трава не расти...

Кура замолчал, а Махмуд задумался над его желанием «погулять год».

Хотел бы он сам такой жизни?..

Спросил себя и ужаснулся: нет, нет и еще раз нет! Деньги, что они могут? Купить, продать, поесть, попить — разве это ему надо? Да он бы завыл от тоски!.. Тогда чего же он хочет, чего ждет от жизни?..

Махмуд горько усмехнулся. Пока, по крайней мере несколько лет, он ничего от нее не ждет и не имеет права ждать. Колония — не курорт: работа — еда — сон, работа — еда — сон, день, месяц, год...

— Случайность все, случайно они сразу на главного вышли, повязали его. Еще и улик больших не было у них: понятно, ниточка потянулась, но не знали они еще, что за кит им попался, а он сам врубил: понял — хана всем. Привели его на первый допрос, ничего не добились, а ночью он отдал концы. Железный был мужик! Разбежался по камере — и об стенку бетонную головой! Черепок пополам, и все концы в воду.

— Да-а! — не мог скрыть своего восхищения Фарид. — Я бы так не сумел.

— А погулять, пожрать хорошо смог бы? — сверкнул глазами Кура. — Слабак ты, Фара! По мне... я бы на все пошел, лишь бы пожить нормально, чтобы никакие деньги не стесняли — сколько хочешь, столько и кидай.

— Нельзя же так, Кура! — тихо проговорил со своей койки Махмуд. — Умирать из-за денег!

— Что ты в этом понимаешь, Студент! — холодно рассмеялся Кура. — Деньги — это... — Он зажмурился мечтательно, причмокнул языком. — Едь, куда хочешь, делай, что душе угодно! Все тебе в рот смотрят, на полусогнутых перед тобой... В чем дело — вопрос?

— Противно же.

— Не понял! — приподнялся Кура.

— Противно на таких смотреть, которые крутятся вокруг на полусогнутых, — сказал Махмуд.

— Ну почему же! — успокоился Кура. — Очень даже не противно, должен ведь кто-то твои прихоти исполнять.

— Друзей среди них не разглядишь, — сказал Махмуд с грустью. — Казалось, столько их было раньше. А сейчас!.. Мать говорит, все обходят ее, даже не здороваются! А ведь из дому было не выгнать, лучшие друзья!

— Э-э, Студент! — Кура длинно выругался, сплюнул на пол. — Зеленый ты еще!.. Не понимаешь в людях, не разбираешься. Потому и о деньгах тебе толкую — с деньгами все есть, и друзья, и подружки. — Он вздохнул сладостно. — Эх, познакомился с одной... Талия — пальцами обхватишь, сфициантка в «Интуристе»... Приходишь, и чтоб на столе водки не оказалось?.. Все чин чинарем, как в лучших домах Лондона и Парижа: музыка, девочки и вино!

— Адресок подкинешь, а? — не сводил с него восхищенных глаз Фарид.

Лицо Куры внезапно стало одновременно злобным и обиженным.

— Я те дам — адресок! Тот адрес и мне заказан. За муж она, видите ли, хочет, ребенка хочет...

Окошко распахнулось, и в квадратном проеме застыло заспанное лицо контролера:

— В карцер захотели? Я могу, если в постели жарко.

Ему никто не ответил. Даже Кура не огрызнулся как обычно, он уже сладко позевывал. Ему завтра после подъема — в путь...

Махмуд тоже закутался в жесткое, пропахшее табаком и потом одеяло, закрыл глаза. Скорей бы заснуть, тогда

исчезнут куда-то Кура, Фарид, Пухов со своими путаными историями, пропадет железная койка, твердый, в комках сбившейся ваты матрац. И если удастся заснуть и не приснится мать или интернат, он будет один, освобожденный от всех привязанностей и воспоминаний и ему будет так хорошо, что просыпаться не захочется.

К концу второго месяца, после утренней проверки, ему принесли копию обвинительного заключения. Он, Умаров Махмуд Умарович... такого-то года рождения... обвиняется по такой-то статье такому-то пункту... в умышленном нанесении тяжких телесных повреждений гражданину...»

Вот и все. Следствие закончено, дело передано в суд. Махмуд смотрел на отпечатанный на нескольких листочках текст, не вникая в его смысл. Все, все кончено.

Он словно потерял связь с реальным миром, не видел и не слышал ничего: просыпался, шел умываться, не ощущая ни чувства голода, ни вкуса овсяной каши, ел, обжигался чаем, так же автоматически шагал на прогулке.

Все. Он мертв. Он никому не нужен. Но ведь есть еще суд, он может найти смягчающие вину обстоятельства. Наказать условно, условно! Может же быть такое?!

Но чуда не произошло. Последующие дни Махмуд вспоминал как бы в тумане, урывками, отдельными картинками.

Вот его привезли на суд. Небольшая комната против окна — судейский стол, массивный, тяжелый, за которым сидят судья и двое заседателей. Справа и слева, друг против друга — прокурор и адвокат. Вдоль стен расставлены старые, потертые стулья, на которых расположились многие «зрители»: мать, знакомые, соседи, какие-то старушки — наверное, постоянные посетительницы подобных зрелищ. Малина сидела у самой двери, запомнились ее глаза, потерянные, ищущие, жадно вглядывающиеся в него и вновь уходящие.

Он помнил также, что в комнате было очень душно, несмотря на декабрь; на улице выпал снег, белоснежный, упругий, хрустящий под ногами снег; стекла широкого, почти во всю стену, окна заледенели, а тут было душно, совсем как в саратан. А может, ему это просто показалось?..

Судья, полноватый, среднего роста, с густыми посеребренными волосами, гладким, до синевы выбритым ли-

цом, подождал, пока установится тишина после одного из вопросов, медленно зачитал показания, поднял глаза:

— Подсудимый Умаров Махмуд Умарович! Признаете вы себя виновным?

Махмуд поднимает на судью завороченный взгляд, кивает поспешно:

— Признаю.

Он оборачивается, замечает Графа — уже потом, во время следствия, Махмуд узнал его фамилию — Сабуров, пришлось не один раз встретиться им и на очных ставках, но это гораздо позже, когда Сабурова выписали из больницы.

Сабуров сидел рядом с матерью притихший, а та что-то все раздраженно говорила ему. Махмуд несколько минут смотрит на Графа, тот не выдерживает, багровеет, отводит глаза.

— Как же так получилось, Умаров? Соседи характеризуют тебя положительно, на работе тоже неплохие отзывы, в армию должен был через два дня ехать и вдруг! — сказал прокурор.

— А что мне надо было делать? Бежать? — Махмуд удивленно слушал собственный голос. Он снова как бы разделился, один покорно молчал или подтверждал сказанное другими, другой возбужденно говорил, бунтовал, не хотел смиряться.

— Бежать нельзя было, конечно, — проговорил заседатель, пожилой мужчина с тремя рядами орденских планок на пиджаке. — От хулиганов нельзя бегать, их учить нужно.

— Но не ножом же учить! — поправляет его судья.

— Вот именно! — кричит со своего места мать Сабурова. — Скоро на улицу нельзя будет выйти из-за таких вот бандитов!..

— Попрошу без выкриков! — постучал по столу судья. — Нападавшие на Умарова тоже не ангелы, свое по закону получат.

— Да я не за нож, — сказал заседатель. — Просто хочу понять, почему такой парень... — судья по характеристикам спортсменов, вообще неглупый, не выродок — и вдруг ножом!..

И снова провал в сознании, снова только обрывки вопросов, выступлений прокурора, адвоката и приговор.

«Умаров Махмуд Умарович... на основании вышеизложенного... приговаривается к трем годам лишения свободы

в исправительно-трудовой колонии общего режима. Приговор может быть обжалован...»

Что обжаловать? И так дали минимум. Три года!.. Три года!.. Три года!..

9

Махмуда отправляли в колонию. Всего набралось человек сорок. Сначала их собрали в большую общую камеру, потом жались друг к другу в «воронках», потом ехали в зарешеченных вагонах. Лица вокруг были угрюмые, замкнутые в своих мыслях, переживаниях.

Колония была точно такой, какой он ее себе представлял, какой показывали в кино. Главные железные ворота со сторожевыми вышками, административный корпус, казарма для охраны, небольшая спортивная площадка, плакаты — «Осужденный! Все в твоих руках, только добросовестный труд и примерное поведение поможет тебе быстрее увидеть родных и близких!» и еще один — «Хочешь — поможем, не умеешь — научим, не хочешь — заставим!»

Дальше — стена, еще одни ворота, тоже железные, за ними — зона, бараки и... столовая, библиотека, даже кинозал. В общем, только высокий каменный забор, колючая проволока и сигнализационные установки напоминали, куда ты попал.

Махмуд миновал закрывшиеся за вновь прибывшими вторые ворота, медленно оглядел зону: влажная, утоптанная тысячами ног земля, возле клуба — палисадник, выложенный вокруг красным кирпичом. А над всем этим — хмурое, какое-то безжизненное небо.

— А, Студент, ты?

Махмуд резко обернулся, засмеялся счастливо:

— Кура!

— Привет!

Они обнялись как самые близкие друзья.

— Вот не думал! — Махмуд не скрывал радости. — Такая тоска взяла, и вдруг ты!..

Кура, в новеньком черном ватном бушлате, с обритой шишковатой головой, со страшно знакомой, неожиданно чуть ли не родной беспечно-наглой ухмылочкой, театрально размахивал руками и говорил, обхватывая его за плечи, как заботливый отец блудного сына:

— Я! Своей персоной, его светлость Кура Первый! — Он указал в сторону бараков. — Ты сразу должен понять

расстановочку: что, где, как, почему... Тебе повезло — я тут, не жук чихнул, — член совета коллектива! Ребята свои подобрались...

— Что за совет? — не понял Махмуд.

— Темнота! — Кура хихикнул. — Председатель совета—теплое местечко: это свидания, это... самое главное—УДО! Не врубаешься?

— Нет.

— Условно-досрочное освобождение. Досрочно, через полсрока, через две трети. Решает, конечно, начальство, мы... как это?.. Рекомендуем... Сила! Теперь понятно?

— Теперь понятно, — улыбнулся Махмуд.

Он действительно был обрадован этой встречей, почти счастлив: ведь Кура сразу взял на себя обязанности проводника, а местность для него была незнакомая, болотистая.

— Нам как раз такой нужен, чтобы новичок был и свой в доску, — Кура почему-то понизил голос. — Пока поработаешь на стройке, без сачков. Нужно, чтобы ты там сперва проявил себя.

— Но я не умею строить, — растерялся Махмуд.

— Будешь раствор носить, кирпичи... На подсобке. Надо так, понял? — Кура заговорил еще тише: — Это временно, скоро должно одно местечко освободиться, тепленькое и сытное... Туда мы тебя и сунем. И тебе хорошо, и ребятам. Свои люди везде нужны, майн брудер. А ты — студент, в институте учился...

— Один год всего, — поправил его Махмуд. — Да и то недоучился, какой из меня педагог! — Он еще очень смутно воспринимал все вокруг, в том числе и болтовню Куры, но был искренне рад такой теплой встрече.

— В чем дело — вопрос? Зато голова у тебя петрит, и язык подвешен... Они, — Кура кивнул на ворота, — видят, кто чего стоит. Их не очень-то проведешь. В совет-то я пролез, им деловые нужны, а вот, к примеру, к хлебо-резке на пушечный выстрел не подпустят. На роже, что ли, у меня написано? Но сам знаю и потому даже не рыпаюсь... А у тебя...ты чистенький, положительный, первый заход!

Майор Кидаш — воспитатель отряда (за глаза его прозвали «Кидай-дальше») — любил порассуждать перед строем, и говорил он, расхаживая взад и вперед, как бы медленно подыскивая нужные слова, смакуя их. И сейчас он расхаживал и рассуждал вслух так же, хотя всего-навсего излагал давно известный ему нехитрый распорядок,

да еще вдобавок, для «торжественности», взял с собой текст.

— Значит, так, — говорил он, прохаживаясь вдоль застывшей шеренги. — Повторяю специально для наших новичков, для тех, кто еще не знаком с нашими правилами. — Майор не торопясь развернул сложенный вчетверо лист, начал читать, делая паузу после каждого пункта распорядка и бросая многозначительный взгляд на новичков, которых поставили в первом ряду. — ...Обед с тринадцати до четырнадцати часов...

А Махмуд видел перед собой лицо матери таким, каким оно было в тот последний день, день суда, оно потемнело, глаза были растерянные, недоумевающие, большие.

Перед расставанием она сидела рядом, гладила его щеки, волосы, плечи. Руки ее мелко дрожали, но она не плакала, только изредка прикасалась к сердцу, словно прислушиваясь... Сейчас он ясно понимал, она просто боялась слезами и жалобами расстроить его еще больше. И почему он раньше не замечал, как она у него постарела, совершенно сдала... Та авария ее сильно подкосила, ранняя пенсия, а потом и он, единственный сынок...

— Ты что, Махмуд? — толкнул его сзади в бок Кура. — Бормочешь... Вспомнил что? Плюнь.

Махмуд не ответил.

— Отбой в двадцать два ноль-ноль. Все ясно? — закончил майор и сложил листок.

— Я-сно!

«Малые детки — малые бедки. Большие детки — большие бедки», — вспомнил Махмуд частые причитания соседки, которая заходила к матери на пиалу чая, специально, чтобы пожаловаться на свою старшую, которая, и выйдя замуж, все никак не угомонится, слушать не хочет мужа, мечтает уехать учиться на актрису. «Представляете себе, соседка! Актриса!.. У нас в роду не было никаких актрис, и ничего...» Мать только улыбалась задумчиво: «Что поделаешь, соседка, такая молодежь пошла. Может, она и права. Мы ведь тоже не очень-то родителей слушали». «Ну, то мы, — возражала соседка. — Мы в войну наравне со взрослыми работали. А что эти могут сами?» — горячилась соседка.

Права она, ничего они не могут, потому и выходит все вот так...

Пошли строем в столовую.

— Ты не очень-то Куре верь, — услышал вдруг Мах-

муд шепот у самого уха. — Будь сам по себе, ему только подхалимы нужны.

Махмуд оглянулся: за ним шагал худошавый жилистый парень с короткими черными волосами и колючими глазами из-под густых мохнатых бровей. Парень пытливо смотрел на Махмуда.

— Сам разберусь, — буркнул он в ответ.

Парень ничего не сказал больше. Только потом, после обеда, отозвал Махмуда в сторонку:

— Ну, раз ты такой хороший знакомый ему, скажи своему Кура: добром предупреждаю, пусть меня не трогает. Не боюсь я ни его, ни компании всей.

— Не понял... — усмехнулся Махмуд. — Почему же ты сам ему все не выложишь, если такой смелый?

— При случае сам скажу. А пока передай. Скажи, Юрка подходил, Ядгаров, запомнил?

«Юра, — усмехнулся про себя Махмуд. — Опять... Судьба?» Он никак не мог избавиться от мгновенной симпатии, которая возникла в нем к этому незнакомому парню с колючими, но совсем не злыми глазами.

— Запомнил.

— Он и ко мне подходил. Только стадный инстинкт не по мне, пусть подбирает безликих, а я сам по себе. Так и передай, все.

Ядгаров повернулся и ушел. Значит, он, Махмуд, безликий, бесхарактерный. Вот это открытие!.. Махмуд озадаченно глядел вслед этому непонятному странноватому парню, пока его не окликнул Кура:

— Топай сюда. Чего ему от тебя надо было?

— Просил передать тебе, чтобы ты его не трогал, — пожал плечами Махмуд.

— Нужен мне этот козел! — буркнул Кура, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Погоди, — остановил его Махмуд. — А что он за парень?

— Чемпион вшивый!

— Как это?

— Да это я так... от злости. Боксер Юрка был классный, видел я его на этом... на ринге. Удар у него... Противник чуть зазевается — хана! И счет открывать не надо.

Кура ушел, а Махмуд снова почувствовал себя маленьким, беззащитным, затерянным в этом мире, враждебном и непонятном...

Махмуд попал в одну бригаду с Ядгаровым. Тот работал каменщиком — как говорили, буквально за три месяца выучился, да так, что опытные каменщики только удивлялись. Впрочем, опытных, хорошо знавших свое дело в бригаде было раз-два и обчелся. Ульмас Ахунжаков — прораб и бригадир одновременно. Ташаев — каменщик шестого разряда, аккуратный до болезненности человек, инструменты у него были всегда в идеальном состоянии, и если кто пытался подшучивать над этим, он всегда говорил: «Мастер начинается с инструмента. Мне не надо смотреть на кладку, чтобы сказать — знает ли человек свое дело, я смотрю на его инструмент, потому что инструмент — это паспорт».

И еще столяр-краснодеревщик, тоже самого высокого — шестого разряда, Рахимов Эркин-ака, работавший на стройке плотником. Остальные члены бригады, если не считать Ядгарова, мало отличались от Махмуда. Да им и не надо было ничего знать, их дело — лопаты, носилки, раствор да кирпич. В общем, бери больше, кидай или тащи дальше.

Объект — школа, здание в четыре этажа, развернутое буквой «П», рядом спортзал.

С первого дня Махмуду пришлось встать к носилкам. Ох и работенка! Балансируй на узком раскачивающемся деревянном трапе, волок с напарником полные носилки на третий этаж.

Трап крутой, временами казалось, что гибкие доски вот-вот треснут посередине и он полетит вниз, но доски выдерживали, лишь упруго пружинили под тяжелыми шагами. Так прошла неделя, вторая, за ней еще, еще.

Махмуд потерял счет времени, за день он так уставал, что не было сил идти в столовую, хотелось быстрее добраться до койки, вытянуть разбитое тело и ни о чем больше не думать, только спать, спать. Руки, ноги, поясницу ломило так, будто его били палками.

Прораб успокаивал: «Ничего, привыкнешь. Сначала всегда так. Со всеми». Махмуду трудно было этому поверить, с ним ведь все не так, как с другими...

Ладони его покрылись кровавыми язвами, не успевали заживать, он не мог даже сжать пальцы в кулаки. Но не к врачу же обращаться, если со всеми так бывает. Однако он чувствовал, что еще день-два, и он не потянет больше эти чертовы носилки.

И тут к нему подошел Ядгаров, остановил, повернул кверху его ладони, усмехнулся:

— Постой, не дергайся!

— Брось! — попробовал улыбнуться потрескавшимися губами Махмуд. — До свадьбы заживет.

— До свадьбы еще дотянуть надо, — заметил Юрка, весело усмехнувшись. — Ничего, сейчас придумаем...

Он задумался на минуту, потом огляделся и стал шагать в куче ветоши, остановив Махмуда:

— Стой, не мельтеши, пожалуйста, подождут.

Нашел подходящий кусок, резко разорвал на две длинных полосы, подошел к Махмуду:

— Давай-ка руки.

Махмуд молча повиновался. Ядгаров быстро привязал импровизированные ремни к запястьям, сделал на концах петли.

— Порядок, — засмеялся Юрка, лицо его вдруг стало по-детски озорным. — Теперь только придерживай носилки, чтобы ручки не выскользнули из петель.

— Спасибо, Юра! — Голос Махмуда дрогнул.

Ядгаров понял его состояние, хлопнул по плечу.

— Не стой, дуй, а то сейчас засигналят.

— Рас-тво-о-ор! — действительно раздалось в этот момент сверху.

— Есть раствор! — рассмеялся Махмуд, устремляясь с носилками к ящику.

Постепенно Махмуд втягивался в работу, она перестала его тяготить, даже наоборот, заглушала внутреннюю боль, своей монотонностью отвлекала от постоянных мыслей о воле, о тех, кто там остался.

С Ядгаровым отношения у Махмуда оставались такими же сдержанно-вежливыми. Юрка все так же с усмешкой при случае слегка подковыривал его, и раза два Махмуд пробовал огрызнуться, но темные, с пушистыми ресницами глаза Ядгарова смотрели на него неожиданно дружелюбно, и жало ответной иронии ломалось, застревало в горле Махмуда, он только улыбался в ответ и шел к своим носилкам.

Ядгаров держался в бригаде несколько особняком, работал он легко, с каким-то артистизмом. Кирпичи, послушные его рукам, ловко ложились на нужное место, а раствор ровным слоем растекался под гладким, отполированным железом мастера. Ахунжаков частенько останавливался невдалеке, наблюдая за работой Ядгарова, довольно улыбался, проводя рукой по кладке:

— На воле тебе цены бы не было, Юрка, работай ты на стройке! — говорил он в минуты особого расположения. — Выйдем отсюда, найди меня. Все будет тебе, и квартира, и заработок, честно тебе говорю! Хорошие каменщики на улице не валяются, а ты родился настоящим мастером, это я тебе говорю.

— Ну, если ты говоришь, — пряча улыбку, говорил Ядгаров, — тогда придется подумать!

— Подумай, подумай! — не замечая иронии, подхватывал Ахунжаков. — Не пожалеешь...

Вроде бы ничего не изменилось в отношениях между Ядгаровым и Махмудом, и все же тот и другой почувствовали — появилось между ними что-то такое, необъяснимое, но уже довольно крепко связывающее их, делающее незримыми союзниками, какая-то едва определимая симпатия, которую оба изо всех сил скрывали, не признавались даже перед собой.

Хотя нет: пожалуй, Махмуд давно с большой радостью бы пошел на сближение, Юрий нравился ему все больше и больше своей сдержанностью, подчеркнутой независимостью, подчас вызывающей и неприязнь. Да, Ядгаров был колюч, но Махмуда тянуло именно к нему.

Может быть, причиной тому был их возраст. Ядгаров был не намного старше, но это совсем не ощущалось, выглядел он младше своих лет, а возможно, Юрка тоже истосковался по общению, несмотря на то, что в кармане постоянно носил томик Байрона и изображал из себя непонятую современникам личность. Все же временами, после особенно хорошо сделанной работы, в нем просыпалось какое-то незлое озорство, он начинал задевать Махмуда, который тут же включался в игру, охотно парировал его шутки. Но если день был тяжелым, нервным и все угрюмо косились друг на друга, замыкались в себе, такое же состояние охватывало и Юрку, и Махмуд с удивлением видел на его гладком лбу глубокую складку, которая делала его красивое волевое лицо тяжелым и неприветливым.

Несколько раз к Махмуду приходил Кура, приглашал пойти с ним к «своим» в соседний барак, послушать «умные мысли», «почифирить». Махмуд отнекивался, ссылаясь на усталость. Однажды все же Махмуд пошел, не нашел в себе решимости отказаться, и пожалел после. Точно было видеть, как одни держат себя маленькими царьками, а другие — вертятся вокруг, подобострастно лобят каждое слово, хихикают с готовностью над плоскими шутками. И когда Кура снова позвал его, он отказался:

— Не хочется, Кура. Пойми меня, я ничего против твоих ребят не имею, честное слово, но...

— Завидуешь? — усмехнулся Кура. — В бугры не можешь, в холуи не хочешь?.. Ладно, погоди, разберемся, — туманно заключил он. — А выбирать придется, усека?

Махмуд не ответил. Кура похлопал его снисходительно по плечу и ушел.

Махмуду, как всегда, не спалось, кровать его стояла под самым окном, и ему было слышно, как завывает за стеной ветер. Неожиданно вспомнились строчки из детства: «Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч...» Махмуд покосился на соседа — Ахунжакова, секунду-другую всматривался в загорелое лицо. Нет, не показалось.. Из зажмуренных глаз прораба выкатилась и поползла, оставляя за собой влажную борозду, одинокая слеза.

Махмуд не удивился: Ахунжаков всегда спал беспокойно, долго ворочался, прежде чем уснуть, потом вдруг начинал скрежетать зубами, стонать, то наоборот, грубое, рубленое его лицо освещалось доброй улыбкой. Но утром, если Махмуд спрашивал у него, что за сны он видел ночью, тот толком ничего не мог вспомнить.

— Эх, ты! — укорял прораба Ядгаров. — Плачешь — не помнишь, смеешься — тоже не помнишь.

— Плачу, да? — смущенно удивлялся Ахунжаков, потом говорил неуверенно: — Я помню все... только очень смутно. Дом свой видел, детей... Хороший был сон, а вот о чем... не могу вспомнить, детей помню и больше ничего.

— Сны надо запоминать, — встревал в разговор кто-нибудь из ребят. — По снам когда-то судьбу гадали, а ты не помнишь.

Махмуд тоже улыбался, застилая постель, успокаивал:

— Главное — хороший сон, остальное — ерунда, так ведь, бригадир?

Частенько, особенно когда барак погружался в сон и слышалось только тяжелое дыхание очень усталых людей, Ахунжаков предлагал Махмуду припрятанную специально для него сигарету с фильтром и ударялся в воспоминания. Он любил поговорить, и для этого ему нужен был внимательный и терпеливый слушатель, каким был Махмуд. И случалось, что рассказ прораба затягивался едва ли не до самого подъема: уже тонкая полоса предутренней зари разгоняла ночную мглу, уже гасли сторожевые прожекто-

ра и лампы на столбах вдоль заборов, а Ульмас все никак не мог расстаться со своим прошлым. Махмуд понимал его: ведь недаром говорят, что где-то на Западе деловые люди придумали специальных роботов, которые только и могут произносить — «Да, сэ́р!», «Я с вами полностью согласен, сэ́р!» «Как я вас понимаю, сэ́р!». И эти железные истуканы имеют большой спрос, что вполне объяснимо. Человеку нужно выговориться, поделиться, а слушать подчас никто не хочет или не имеет времени, разучились люди слушать друг друга, и вот тут на помощь приходят хотя бы роботы...

Впрочем, это, конечно, не выход. Ведь нужно, чтобы тебя слушали с интересом, сопереживали. А Махмуду все интересно. Вот говорить сам он пока не может, не может и не желает... К тому же, в отличие от Ахунжакова, он еще ведь почти нигде не был, кроме своего города, да и что можно успеть за неполные двадцать лет — ничего.

Ульмасу же было что порассказать — жил на Севере, валил лес, работал на приисках, плавал, ловил рыбу на Сахалине.

Там и познакомился со своей будущей женой.

Махмуд вспомнил рассказ Ахунжакова:

— Иду как-то после работы, злой как черт. Устал, еле ноги волоку, а тут еще руку снова прихватило, артрит, чуть не вою от боли. Мечтаю только об одном — быстрее до кровати добраться. И такая тоска вдруг накатила... Ну, думаю, — хана! Отработался, нужно собирать шмотки, пока не сорвался!

И подумать хорошо, что меня держит?.. Деньги есть, подсобирал кое-что, сезон кончается — еще получу!

Все, хватит. Тридцатый мне уже пошел, пора дом завести, семью. И мать сколько лет одна, никого у нее, кроме меня, нет, пора и ей внуков нянчить. Она мне часто писала: «Сынок, подумай, пора тебе остепениться! Женисься, дети пойдут, пока я еще могу тебе помочь, а если случится что со мной, кто тебе поможет?..» Все это вспомнил и решил: еду домой.

Иду, рассуждаю таким манером, вдруг вижу — баба, лежит на земле, царапается, молотит кулаками и ревом кричит. Хотел пройти мимо, потом остановился, подошел: «В чем дело? — спрашиваю. — Может, помочь чем надо, чего ревешь?»

А она только: «Идите вы все подальше!» Ну, дает, думаю. Повернулся и пошел себе. Иду, а самому будто заноза в душу засела. Что там с ней такое, почему?»

Повернул назад, она лежит как лежала, только плечи дрожат. Еле поднял, на скамеечку посадил. До самого темна с ней провозился, зло 'брало, ругал себя черными словами — утром на работу, а я тут нянчусь с ней! Хотя бы вид она имела, нет же, ни то ни се. Пришли мы ко мне, выпили чуток. Оказывается, хахаль у нее был, жениться обещал. Жили вместе, работали, деньги собирали, и вдруг приходит она — ни его, ни денег. Все забрал и смылся.

До самого утра мы просидели, все она рассказывала о себе, о детдоме, в котором выросла. Утром на работу мне, а я не могу, жалко так стало ее, и вдруг:

— Оставляй со мной.

Сам не знаю, как это у меня выскочило. Она на меня смотрит, я на нее, и тут меня понесло, будто не я это говорил, а кто-то другой:

— Оставляй пока, а потом, после сезона... ко мне поедем, к матери моей.

Он улыбнулся, вспоминая жену.

— И не жалею. Бабой она хорошей оказалась, и красивой тоже. Правду говорят: «Женщина — она как виноградная лоза, хороший уход ей нужен, чтобы расцвела она».

Почные разговоры сблизили Махмуда с прорабом. Он стал ему вроде за старшего брата, всячески поддерживал.

— Сделай из него каменщика, Юра! — сказал он однажды, подводя Махмуда к Ядгарову. — Пусть у парня будет настоящая специальность, это всегда пригодится.

Через месяц Махмуд встал на самостоятельную кладку; правда, пока стена у него постоянно норовила уйти в сторону, и не будь рядом Юрки или Ульмаса, неизвестно, что бы у него вышло, но постепенно он начинал чувствовать себя увереннее, кирпич начинал слушаться, ложиться один к одному ровнее.

Однажды к Махмуду подошел Кура и попросил достать ему хороших сигарет. Махмуд обещал, хотя понятия не имел, как он это сделает. Обратился к Ульмасу.

— Ты его ко мне пошли, если еще раз подойдет, — усмехнулся Ахунжаков, — я ему скажу, где достать.

Махмуд, конечно, ничего не сказал Куре о своем разговоре с прорабом, но в следующий раз Ахунжаков сам остановил Куру:

— Зачем парня тревожишь, а? Добром прошу, оставь его в покое, не ваш он!

Кура не ответил, только полоснул прораба пренебрежительным взглядом и отвернулся, словно того и не было. Но потом чувствовалось в Кура какое-то не свойственное ему напряжение, он все время терял нить разговора, перескакивал с одного на другое, потирая нервно острый подбородок своими толстыми пальцами...

Махмуд запарился, доставая Кура обещанные сигареты. Чтобы не выглядеть трепачом, пришлось отдать за пачку «БТ» круг колбасы из только что присланной посылки.

— Колбасу отдал, говоришь? — смеялся Кура, подмигивая своим дружкам. — Не жалеи! Дружба — это главное!

— Ну, Кура дает! — хохотнул Генка Белый.

Махмуд промолчал, потянулся было к пачке, но Кура будто не заметил его движения, закурил сам и добавил:

— Человека кормит дружба!

Когда же Махмуд снова протянул руку к сигаретам, Кура отстранил от него пачку, укоризненно покачал головой:

— Нехорошо, Студент! Разве можно попрошайничать? Свои надо иметь!

— Шакал!.. Я тебе говорил — это шакал, а ты не верил! — будто отрубил Ядгаров, когда на следующий день Махмуд рассказал ему об этом эпизоде.

— Ведь он со всеми так, — посетовал Махмуд, думая о тех, кто окружал Куру. — И они молчат, терпят.

— Собаки эмира ничем не отличаются от своего хозяина, — усмехнулся Ядгаров.

Махмуд не отреагировал, только подумал: рассказать ему о предложении Куры перейти в хлеборезку или не надо?

«Чего тут думать, — втолковывал Кура, отозвав его в сторону перед вечерней проверкой. — Я уже обговорил все с кем надо, так что готовься принимать хлеборезку. — Он заговорщицки подмигнул. — Работа не пыльная, мечта многих. Белый хлеб, сахар, масло, чай — все под рукой. С миру по нитке — без копейки миллионер, всегда пару пачек чаю можно иметь про запас, чифирить хоть нормально будем!..»

Потом к нему подошел и Славка Толкунов — председатель совета коллектива:

— Значит, согласен идти в хлеборезку? — сказал он таким тоном, точно все уже давно обговорено и нужно только уладить формальности, получить его согласие.

— Нет, — вырвалось у Махмуда.

— Как это «нет»? — удивился Толкнунов. — Ты что, серьезно?

— Я хотел сказать... — замялся Махмуд. — Подумаю. До... ну еще немного, можно?

— Дурак! — пожал плечами Толкнунов и ушел.

— Умаров, тебе письмо, — окликнул Махмуда дежурный по бараку. — Я на тумбочку твою положил.

— Спасибо.

Махмуд увидел конверт сразу, почти одновременно со словами дежурного. Торопливо схватил конверт, глянул на обратный адрес — тоже из колонии, из другой... почерк незнакомый... «Сабуров Е. Г.».

Сабуров, Сабуров, кто бы это такой был? Но тут же Махмуда осенило: «Граф». Вот чего никак не ожидал!..

Он вынул письмо, стал читать: «Здравствуй, Махмуд! Ты, наверное, удивишься когда получишь мое письмо, но я не мог не написать...»

Махмуд и не слышал, как в барак заглянул Ахунжаков и позвал его несколько раз.

— Спишь, что ли? — склонился над ним подошедший Ульмас.

Махмуд невидяще посмотрел на него, стряхнул с себя оцепенение.

— Так... задумался.

— Письмо получил, — заметил пустой конверт Ахунжаков. — От кого?

— От этого... парня одного, — Махмуд запнулся, глянул на испещренный мелким почерком двойной листок, который сжимал в руке. — Ну тот, которого я... ножом.

Ахунжаков замер на секунду:

— Угрожает?

— Нет, что ты! — улыбнулся Махмуд. — Прощения просит.

— Понятно, — кивнул Ахунжаков, вынимая из тумбочки баночку с заваркой.

— Неплохой он все же парень, этот Сабуров, — продолжал тихо Махмуд. — Хотя, конечно, кто его знает? Может, оттого только и написал, что сам сидит, а?

— Бывает и так, — откликнулся Ахунжаков, запирая дверцу и выпрямляясь. — Пойдем чайку на воздухе выпьем... Ядгаров за кипяточком пошел.

Махмуд кивнул, нагнулся к своей тумбочке, заглянул

внутри: на верхней полочке лежали две стопочки писем — от матери и от Малины, внизу — чай, сахар, хлеб и два кружка копченой колбасы. Махмуд несколько секунд раздумывал, положил письмо поверх стопочки, поправил, вздохнул, взял колбасу и хлеб.

— Ничего, Студент, — словно прочитал его мысли Ахунжаков. — От тюрьмы и от сумы, говорят, не отказываются...

Кружка обжигала пальцы. Махмуд поставил ее на землю у своих ног, смотрел на Юру, который маленькими глотками пил чай, на Ахунжакова, в задумчивости помешивавшего ложечкой густую коричневую жижу в своей кружке. Попробовал он один раз глотнуть чифиру — не понравилось, Ахунжаков это понял и не предлагал больше.

— Один — спортсмен, другой — студент, один я просто человек, — смеялся грустно Ахунжаков, заваривая себе покруче.

Махмуд боролся с желанием рассказать о предложении Куры. Одно он четко понимал: отказаться от хлебозрезки — значит, идти на открытый конфликт с Курой и его «семьей».

«Семья»... — усмехнулся он горько. — Уже и к словечкам здешним стал привыкать...»

— Бери колбасу, — подвинул Махмуд нарезанные кусочки поближе к Ядгарову. — Совсем как чужой.

— Брось ты это, — отмахнулся тот. — Тумбочка почти пустая, а он все угощает.

— Бери, тебе говорят! — с притворной обидой сказал Махмуд, взял самый большой кусок, сунул Ядгарову в руку. — Ешь, все равно на год не растянуть. Ешь, ну!

Ахунжаков сидел сгорбившись, не слушал их перебранки, маленькими глотками пил свой чифир, лицо его было хмурым, задумчиво-напряженным.

Ядгаров старался жевать неторопливо, с достоинством, будто нехотя, но все равно было видно, что еда доставляет ему острое удовольствие. Проглотил колбасу, опять заулыбался своей открытой улыбкой.

— Черт! Вот так и теряется индивидуальность.

— Скажешь тоже! — смутился Махмуд, сам не понимая отчего.

— Это не я говорю, — заметил Ядгаров и показал на свой живот. — Это он говорит. И после его слов личность

плавится, так сказать, в огне обстоятельств, и так плавится, слабеет, что в итоге из нее получается разве что ночной горшок.

— Трепач! — буркнул Ахунжаков и вздохнул. — Что мать, так и не пишет?

— И не напишет, она у меня принципиальная, — подчеркнуто равнодушно ответил Ядгаров, но и Ахунжаков, и Махмуд все же уловили боль в голосе товарища, и не ошиблись, его тут же прорвало: — Эх, мама, мама!.. Понимаю ведь, понял уже все, зачем же мучить так меня! — Ядгаров отвернулся, деланно засмеялся. — Ведь все пять лет может ни слова не написать, знаю я ее... Железо, а не мать.

— Сам виноват! — глухо сказал Ахунжаков, тоже глядя в сторону. — Так избить жену, беременную к тому же! Отелло нашелся...

Махмуд незаметно толкнул Ахунжакова: зачем ты так!

— Не распинай, Ульмас! — взмолился вдруг Юрка. — Хоть ты не распинай.

— Ты сам себя распинаешь! — снова отвернулся от него Ульмас, сказал как бы самому себе: — Все мы... виноваты в своей судьбе!..

11

— Надумал или снова будешь волюнку тянуть?

Махмуд полулежал на штабеле досок, наслаждаясь последними минутами обеденного перерыва. Он досадливо поморщился, открыл глаза, посмотрел на Толкунова, за толстыми стеклами очков которого скрывались голубые с легкой поволокой глаза.

Сейчас он будто впервые увидел его по-настоящему. Казалось бы, что общего у Славки могло быть с Курой? И здесь, в колонии, тот смог сохранить в себе что-то такое, неуловимое, говорящее о его интеллигентности, незаурядном внутреннем мире. Говорили, что отец Толкунова — известный физик, а мать заведует кафедрой. Да и сам Толкунов учился в университете, уже на пятом курсе, попал на скамью подсудимых сразу по нескольким статьям — в нетрезвом состоянии сел, не имея прав, на родительскую «Волгу» и сбил человека. В колонии Кура сразу взял его под опеку, баловал, чем мог, а приносили Куре всякой всячины немало. В зоне Славке было особенно тяжело, временами он вдруг взрывался, готов был лезть на колючую проволоку, вот в такие минуты всегда рядом оказывался

Кура со своей компанией, и всегда под руками оказывалась припрятанная пачка черного чая, а то и что покрепче. А когда Толкунова избрали председателем совета коллектива, здесь уж Кура для него стал вообще необходимым.

Заместитель Кндаша лейтенант Ибрагимов больше всего опасался любых «ЧП».

— Дисциплина, — часто и неопределенно повторял он, подняв палец перед строем и на собраниях, — это все, это корень жизни, где дисциплина — там есть все, где нет дисциплины, там нет ничего, там анархия, а в колонии анархии нет и не может быть.

И дисциплина в колонии, действительно, была железная. В отряде же и того суровее, всем здесь заправлял Кура и его подручные, с ними редко кто хотел связываться, и потому на всех собраниях Ибрагимов не забывал похвалить председателя совета коллектива, ставя его в пример. Толкунова действительно уважали в отряде, особенно любили послушать его рассказы о прочитанных книгах, о которых многие даже не слышали, о разных исторических событиях и деятелях, среди которых Славка особенно выделял Юлия Цезаря, Александра Македонского, Тимура, Ивана Грозного и Наполеона...

Махмуд чувствовал неприятный холод в груди. «Что делать? Что делать? А если согласиться? Согласиться, а потом послать всех подальше?»

— Что молчишь? Шестеренки заело? — раздраженно бросил Толкунов, поправляя на переносице очки, но тут же спохватился: — Парень ты честный, вот мы и подумали — лучше уж ты, чем кто другой! Сам понимаешь, хлеб — дело деликатное!

Махмуд молча глядел ему прямо в глаза. Ведь понимает, прекрасно понимает этот голубоглазый, почему Кура настаивает, чтобы именно он, Махмуд, пришел в хлеборезку...

И Толкунов смотрел на Махмуда, внутренне презирая и ненавидя его. «Трус! Такой не пикнет, — думал он. — Сделает все, что ему Кура прикажет. И порядочек будет, дисциплинка...» Ему были глубоко противны все и всё: он ненавидел Куру, Махмуда, этих Белых, Морячков. — подручных Куры, больше всех ненавидел себя и потому еле сдерживался.

— Ты что, издеваешься надо мной?! — вдруг заорал он. — Пойдешь в хлеборезку или нет, ну?

— Не ори на меня! — негромко, но резко ответил ему

Махмуд. — И плевать я хотел на твою хлебрезку, понял! Плевать!..

Толкунов еще несколько секунд ошалело смотрел на него, потом странно скривил губы, пожал плечами и ушел.

«Что-то теперь будет? — Махмуд провел рукой по влажному лбу, усмехнулся горько. — Трусишь! Даже в пот бросило!»

Вечером, после проверки, когда все расходились по баракам, Махмуд вдруг ощутил жесткий удар в затылок, полетел вперед по инерции и упал, обдирая о землю лицо и руки.

— Ты что, Махмуд?

Его окружили несколько человек.

— В чем дело — вопрос? — раздалось из темноты.

— Споткнулся! — Над Махмудом склонился ухмыляющийся Федя Морячок.

— Больно, да? — выглянул из-за спины Генка Белый. — Ай-яй-яй!

Федя Морячок громко втянул в себя воздух у лица Махмуда, отшатнулся с брезгливой гримасой:

— Да ты, брат, пьян!

— Серьезно? — Генка Белый ткнул к Махмуду своим большим носом, хлопнул в ладони. — Братва, точно выпил! И без закуси! Вот ножки и не держат!

— Раскричались! — вперед вышел Кура, протянул Махмуду руку, помогая подняться. — Ну выпил малость человек! С кем не бывает?

Махмуд встал, не сводя изумленного взгляда с Куры. Из рассеченного подбородка кровь струйкой текла на рубашку.

— Ну и гад же, оказывается, ты! — прохрипел он.

— Ты это на кого? — надвинулся на Махмуда Морячок, но Кура остановил его, покачал головой.

— Без шухера! — он обернулся к Махмуду. — А ты грубиян, Студент!

В следующую секунду хлесткий удар в челюсть подбросил Махмуда и швырнул на землю.

Его пинали подручные Куры, но Махмуд почти не ощущал боли...

— Махмуд, что с тобой? Махмуд!

Ахунжаков склонился над кроватью, тряс его за плечи, глаза его лихорадочно блестели. Он выпрямлялся, оглядывая барак, оборачивался на Ядгарова, который тоже стоял рядом и не сводил напряженного взгляда с избитого лица Махмуда.

— Говори, кто тебя избил, ну? — тряс Махмуда Ахунжаков. — Говори.

— Оставь, — сказал Махмуд устало. — Никто меня не избивал! Я сам. Споткнулся и упал. Сам...

Махмуда оставили на день в бараке: он лежал на кровати, перебирал стопку Малининых писем, снова и снова перечитывал отдельные места. Почерк у нее был очень аккуратный, по-детски красивый, каллиграфически ровные буквы лепились одна к другой в строгую линейку.

«...Знаешь, я полюбила гулять одна по ночам... Нет, неправда, я гуляю не одна. Когда выхожу из дому, на улице меня встречаешь ты, и мы идем в парк, на нашу аллею. Кроме нас здесь никого нет, все давно спят, видят сны, и мы говорим, говорим, обнимаемся, целуемся, свободно, потому что нас никто не видит. Поверишь, временами я даже ощущаю тепло твоих губ, твое дыхание. Ты как всегда нежно смеешься, согревая мне руки, и никто на всем свете — только ты, я и еще ночь...»

Махмуд закрыл глаза, перенесся мысленно туда, где осталась Малина, увидел аллею, фонтан, сложенный из колотого камня, — Фархад, разбивающий молотом скалу, из которой бежит тонкая струйка воды. Здесь он всегда ждал Малину.

Вот и она, бежит к нему, радостная, машет издали рукой, что-то кричит.

Он смотрит на нее, медленно идет навстречу... Вот она помнит только хорошее. А ведь он часто обижал ее, обращался, как с куклой, хотя видел, что ей больно, видел и даже наслаждался этим, чувствуя свое превосходство. А в чем оно, это его превосходство, чем он лучше ее?.. А может, она сама виновата, что он так обращался с ней, избаловала его своим вниманием, ловила каждый его жест, старалась угодить, а он...

Виновата!.. Разве можно винить человека, если он любит? Да и мог ли он тогда до конца понять ее? А сейчас разве он уже все понял, понял, что такое для него ее любовь?

Но что-то он наконец понял... очень хочет понять, потому что ему стало бы невозможно без этих писем, которые он держит сейчас в руках, которые ежедневно перечитывает, кажется, знает наизусть, которые достаточно просто перебирать, чтобы почувствовать их тепло, услышать мысленно родной голос, увидеть улыбку...

Малина вдруг замедлила шаги, остановилась, лицо ее изменилось, стало белым, неживым, слепок, а не лицо. Она качала головой, глядя на него, и когда он шагнул к ней, отшатнулась испуганно.

— Малина, что с тобой? Это же я, я! — хотел сказать он, но не смог, горло перехватило.

Она тоже что-то говорила ему, он видел это ясно, потому что губы ее шевелились, шептали что-то.

«Я ничего не слышу!» — хотелось крикнуть ему, но вместо слов из горла вылетало какое-то шипение.

Он стал задыхаться, словно кто-то сжал ему горло.

— Вот мы и встретились! — заглянул ему в лицо Кура, это его толстые пальцы, оказывается, сцепились на горле. Махмуд почувствовал, что теряет сознание. Тут глаза Куры начали расти, превратились в огромные шары, которые, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит и раздавят его, то вдруг начали сужаться, превратились в узкие щели, из которых вырвался яркий и тонкий, как лезвие, луч.

Луч вдруг ожил, скользнул по нему, и Махмуд с ужасом увидел, как у него отвалились сначала руки, потом ноги, потом это все поднялось в воздух, проплыло мимо его лица и исчезло в пасти черной пещеры.

Махмуд закричал от страха, не от боли, именно от страха, потому что он не мог себе представить, как ему теперь жить в таком состоянии, никому не нужным изуродованным обрубком, он хотел умереть, но и этого не мог сделать, лежал на земле, глядя в ненавистное лицо своего врага. А Кура хохотал все громче и громче, один глаз его при этом закрылся, а из другого вдруг повалил густой черный дым, который стелился по земле, забивал нос, горло, раздирал легкие...

Махмуд проснулся от собственного надсадного кашля. Барак трясся от хохота. Поднял голову: у самого лица тлела подушка. Дым тонкой струйкой поднимался вверх и попадал прямо ему в нос.

Махмуд почувствовал, как бешеная злоба начинает закипать в нем, он вскочил на ноги, взгляд замер на тяжелой кочерге возле чугунной печки. Махмуд рванулся было к ней, но тут что-то зашуршало под ногами, отвлекло — письма, на полу в беспорядке лежали Малинины письма. И точно жаром обдало Махмуда, жаром, а потом ледяным холодом.

«...Махмуд, я считаю дни, когда мы снова будем вместе. Дни и минуты. И получается, что нам осталось быть в разлуке 878 дней, или один миллион двести шестьдесят че-

тыре тысячи триста двадцать минут. Боже, как много!.. Иногда мне кажется, что я умру и не дождусь тебя, потом сжимаю кулаки, зубы, успокаиваю себя: «Нет, ты должна вытерпеть! Ведь ему труднее, чем тебе, он-то нюни не распускает! И все проходит. Господи, как я по тебе соскучилась! Как жду тебя!.. Мы все ждем тебя, Махмуд! Мама, я, все!..»

— Эх, вы-ы! — вырвалось у него с болью, он обмяк, опустился на колени, начал подбирать письма.

Кто-то набрал из бочки воды в кружку, плеснул на тлеющую подушку, загасил:

В барак быстро вошел Ахунжаков, направился к кровати Махмуда, взглянул на грязные потеки на подушке, встретился с потерянным взглядом своего младшего товарища, резко обернулся, крикнул с угрозой:

— Кто это сделал?!

Никто не ответил ему, только Морячок ухмыльнулся нагло, демонстративно спокойно пошел к выходу.

— Стой, ты! — схватил его за руку Ахунжаков.

— Ну! — обернулся Морячок. — Имеешь что-то о меня?

Он расправил массивные плечи, несколько раз ударил кулаком в свою левую ладонь.

— Что с вас поимеешь, шакалы! — задыхаясь и еле сдерживаясь, проговорил Ахунжаков. — Но если вы не оставите Умарова в покое, вам всем придется иметь дело со мной! Всем, слышите?! — крикнул он, обращаясь к тем, кто был в бараке.

— Что случилось, Ульмас?

На пороге кошаче-пружинисто застыла фигура Ядгарова.

— А вы меня хорошо знаете! — напряженно звенел высокий голос Ахунжакова. — Я на ветер слов не бросаю, — он глянул на Морячка, дохнул ему прямо в лицо. — Понял, ты-ы!

— Что здесь происходит?

В барак заглянул лейтенант Ибрагимов, глянул на Морячка, на Ахунжакова.

— Да все этот Умаров, — проворчал из своего угла Шальной.

— Подушку куревом сжег, а виноватого на стороне ищет, — указал Морячок на оторопевшего Махмуда.

— Смотри, Умаров! — в голосе лейтенанта прозвучал металл. — Доиграешься у меня.

Он захлопнул за собой дверь.

— Гражданин начальник! — кинулся за ним Ахунжаков. — Гражданин начальник...

Морячок с дружками, перемигнувшись, тоже вышли из барака.

Махмуд бессильно опустил на кровать, отрешенным взглядом глядя куда-то в пространство: «Ох, Маличка! Кто знает, хватит ли у меня сил вынести все это?»

12

Однажды, когда Махмуд, как обычно, вернулся с работы и пришел в барак, чтобы переодеться, привести себя в порядок к вечерней проверке и к ужину, его ждал сюрприз.

После яркого солнца в пустом бараке ничего не было видно, Махмуд двигался, как рысь во время охоты, — осторожно, выбрасывая вперед сначала одну ногу, потом подтягивая вторую, ориентируясь по памяти. Глаза еще не совсем привыкли к полумраку, как вдруг где-то впереди кто-то захихикал.

Махмуд остановился, напряг зрение, вглядываясь в очертания человеческого силуэта.

— Не узнаешь?

Кто-то поднялся с его кровати, но не пошел навстречу, остался стоять.

— Н-нет, — Махмуд мучительно пытался вспомнить, где он слышал этот голос.

— Махмуд, неужели и взаправду не узнал меня, а? «Идет скелет, за ним другой...» — с гнусавым вокально-инструментальным подвыванием запел вдруг незнакомец.

— Владька, ты? — рванулся вперед Махмуд, споткнулся, ударился плечом о спинку кровати и упал бы, наверное, но тут его подхватили длинные руки. — Владька!

— Убьешься, а мне отвечать! — смеялся гость.

Они обнялись и, не ослабляя объятий, стали топтаться и кружить на маленьком пятачке, словно национальные борцы в базарный праздник.

— Махмуд!

— Владька!

— Вот не думал, что встречу с тобой! Не мечтал даже! — Владька сдвинул его изо всей силы, так что у Махмуда затрещали ребра.

— За-души-ишь, дурак! — наконец вырвался он из клешней Владьки Фарманова, плюхнулся на кровать, перевел дыхание.

Они жили по соседству, дома их разделял общий забор. Крупный, почти на голову выше Махмуда, с длинными мускулистыми руками, которыми бы только молотом махать в кузнице, выпирающей боксерской челюстью, толстыми, вечно сухими, шелушащимися губами большого рта, Владька выглядел гораздо старше своих восемнадцати лет и вообще напоминал громилу из старых наивных фильмов. При встречах с человеком его внешности обычно каждый здравомыслящий человек старается быстрее пройти мимо... Но впечатление это быстро пропадало, стоило поговорить с ним минуту, услышать мягкий тембр голоса, поймать стыдливо-робкий взгляд больших серо-зеленых глаз, обрамленных длинными пушистыми ресницами. Глаза эти заставляли забыть безобразно длинные руки, квадратные тяжелые плечи; глядя в них, можно было сразу понять, что человек, обладающий такими глазами, совершенно безобидное существо, что он никому и никогда не сможет сделать больно, потому что он... потому что он — Владька Фарманов.

Махмуд улыбнулся своему бессилию дать характеристику товарищу детства.

Да, но почему он здесь?!

Махмуд смотрел на Владьку, и в голове у него никак не укладывалась мысль: Владька Фарманов, Владька Тихоня, Владька Чистюля, Владька Зануда и еще черт те как ни называли его в детском саду, на улице, а потом в школе, Владька Фарманов, который не пропускал ни одного нового фильма, наперечет знал всех кинозвезд мира, у которого была самая большая среди ребят библиотека, несмотря на очень скромный достаток в семье, этот Владька, зачитавший собрание сочинений Александра Грина до дыр, — вот здесь, в колонии, рядом с ним, и Махмуд смотрит в его лицо, слышит смех, видит эти прозрачно-успокаивающие глаза?

Быть не может, не укладывается в голове! Кого угодно мог бы он встретить здесь, только не Фарманова...

Они проговорили до самой проверки, вернее — говорил Владька, рассказывал об их городе, о матери, друзьях, о том, как попал сюда.

— Такая скука вдруг нашла, хоть вешайся, — говорил Фарманов, развалившись на постели Ахунжакова. — Никого почти на улице не осталось, ты здесь, другие поразъехались, кто учиться, кто в армию... А между нами говоря, сам Ганди сказал: «Человек не может считать себя сколько-нибудь порядочным человеком, не проведи он некоторое

время в тюрьме». «Армия и тюрьма воспитывают в человеке настоящий, мужской характер», — говаривал и дядюшка Хэм.

— Кто, кто? — не понял Махмуд.

— Да Хемингуэй. Застрелился вот только, жаль... — сказал Фарманов, задумавшись на минуту. — А если такие люди не боялись, подумал я, так чем же я хуже?

Махмуд хотел возразить, что великие люди уж, наверное, имели в виду не уголовщину, но Владька убежденно продолжал:

— В армию меня не взяли—плоскостопие! Чушь какая-то: в наше время, в эпоху космических ракет, когда человек научился управлять геной наследственностью, когда черт знает что в мире творится — вдруг решает вопрос о твоей неполноценности какая-то ступня! Даже смешно!

— А-а! — он махнул рукой и вдруг выдал: — Остается одно — тюрьма.

Удивленный Махмуд опять не успел остановить эти странные излияния.

— Тюрьма так тюрьма, только вот какой вопрос — нужно, чтобы все было по-настоящему, без фальши, — обернулся к нему Фарманов. — Ну и начал перебирать варианты: хулиганство — пошло, воровство — низко, ограбить кого-нибудь — это вообще...

Короче, родился у меня специальный план, но тут нужен был напарник, и чтоб внешность имел представительную, интеллигентную. Но чтоб только внешность. А где такого искать? Конечно же, в пивном баре. Целый день там проторчал, а как я к пиву отношусь — ты хорошо знаешь. И чего некоторые находят в этом пойле?

Но, главное, хоть не зря промучился, встретил кого надо: лет сорок пять, лысина — Сократ и только, солидный животик. Представился Иваном Трофимычем, ну мы с ним обо всем быстро договорились.

...В галантерейном магазине было всего несколько человек: мужчина в новеньком темно-коричневом костюме, две пожилые женщины и сонная продавщица с равнодушно-брезгливым выражением лица; болезненно полная, почти квадратная, она тяжело двигалась между прилавком и полками.

— Товарищи, — раздраженно проговорила она. — Выбирайте что надо побыстрее, у меня обед.

Женщины не обратили внимания на ее слова, тихо переговаривались между собой, разглядывали платки на витрине.

— Да я сейчас, — откликнулся мужчина и снова склонился над застекленным прилавком.

Продавщица облокотилась на прилавок, взгляд ее скользнул по женщинам, остановился на мужчине, на его массивных роговых очках, которые поблескивали в лучах солнца. В одной руке он держал большой черный портфель, другой время от времени поправлял очки, которые почему-то все время сползали на нос.

Мужчина чувствовал на себе взгляд продавщицы, нервничал, ставил портфель на пол, но тут же, словно спохватившись, снова брал его, неловко прижимал коленями к стенке прилавка, косился на продавщицу, словно хотел обратиться к ней, но не решался.

— Гражданин, берете вы что-нибудь, мне ведь тоже обедать нужно! — нетерпеливо выговорила продавщица. — И вы, дамочки, пошевеливайтесь! — прошипела она сквозь зубы.

— Еще минуточку, пожалуйста! — мужчина просительно улыбнулся, снял очки, сощурился. — Мне, собственно, спросить хотелось у вас, — начал он робко, но тут со стуком распахнулась дверь, и в магазин вбежал запыхавшийся парень.

— Все, все, все! — всполошилась продавщица, выходя из-за прилавка. — Закрыто на обед, после обеда приходи!

— Только на одну минутку, — отступал парень, пытаясь нырнуть у нее под рукой. — Спросить хочу...

— После обеда, — не слушала его продавщица. — Освободи помещение.

— Да подождите вы! — вкрадчиво сказал парень. — Я вам хочу показать тут кое-что. Может, купить захотите... — он начал разворачивать небольшой сверток.

— Ничего мне не надо, — по инерции махнула рукой продавщица, но замолкла, вытянув шею: — А что у тебя там?

— Детальки кое-какие. К телевизору, приемнику...

— Э-э-э! — обозлилась она. — Что я буду делать с твоими деталями? Не нужно мне ничего, закрываю магазин.

— Извините-ка, девушка, — подошел к ним мужчина, заинтересованно заглянул в сверток, взял одну деталь, поправил очки. Глаза его загорелись: — Ба-а-а!.. Никогда не знаешь, где повезет. Месяц ишу, всю область обегал. — Он обернулся к парню. — Сколько? Говори свою цену, не бойся.

— Мастер мне сказал: «Меньше семи рублей не бери!»

— Согласен, — засмеялся мужчина, хлопнул парня по плечу.

Женщины тоже подошли ближе, стали разглядывать, что там за детали такие, которые нигде нельзя найти. Отметив это, продавщица вдруг засуетилась.

— Сколько у тебя этих штуковин?

— С собой только пять, — будто нехотя отвечал парень. — Дома еще есть. Запечатанная коробка, двадцать штук — комплект.

— Стоп! — остановил его мужчина. — Беру всю коробку. — Он вынул из кармана деньги, отсчитал четыре пятерки. — Вот тебе двадцатка, остальные... — Что же делать? — мужчина взглянул на часы. — Здесь встретимся. Через час, сразу после перерыва, сможешь? Хотя... — он снова глянул на часы, закусил губу. — У меня совещание назначено, может шофера послать? — рассуждал он как бы сам с собой.

— Пусть он у меня оставит, а вы потом заберете, — пришла на помощь продавщица. — Я и себе несколько штук оставлю, на всякий случай. Вдруг пригодится?

Тут одна из женщин тоже сказала просительно:

— Я тоже хотела бы...

Мужчина перебил:

— Э, не-е-ет! Я забираю все. Вот продавщице оставь несколько штук, остальные никому... У меня брат и знакомые просили, это же такой дефицит! Значит, договорились, девушка: вы возьмете все, что он принесет, а я вечером заеду и рассчитаюсь с вами, вот вам десяточка за услугу. — Он взглянул на часы, заторопился. — Ого, подчиненные, наверное, уже собрались! Пора, пора!

Мужчина по-отечески похлопал парня по плечу и быстро пошел к выходу...

Через несколько дней у Ивана Трофимовича в портфеле была кругленькая сумма, вырученная сообщниками за копеечные, залежалые в радиомагазинах детали.

Махмуд слушал Фарманова и не узнавал его! Владка ли это, который когда-то плакал над соседской дворнягой, когда ее задавила машина; который вообразил себя современным Диогеном и, подражая ему, достал откуда-то старую селедочную бочку и сидел в ней целыми днями, пока мать не вытащила его и не разрубила бочку на дрова; который...

— Ты меня не слушаешь, Махмуд?

— Почему же, — поднял глаза Махмуд. — Слушаю... все слушаю, — он помолчал, потом спросил задумчиво: — Ведь ты был другой, Владька? Откуда в тебе это?

— Да брось ты! — насутился Фарманов. — Два года, разве это срок? Я хоть почувствовал в жизни какой-то азарт, понимаешь? Думаешь, мне деньги нужны были? Плевать я хотел на деньги. Главное — какая идея! Но они мне не поверили, все на Трофимыча свалили, что это он меня с пути сбил. И суд тоже так решил, даже слушать не стал. Трофимычу четыре влепили, а мне — два, я еще испугался, что условно дадут. — Он сплюнул, сказал с вызовом: — Так ему и надо, сам виноват! Если б не он...

— Если бы не ты, он, может быть, сейчас сидел бы у себя дома, усталый, после работы... а рядом играли его дети, он был бы на свободе, не будь тебя, — тихо заговорил Махмуд. — Почему же ты его винишь, а не себя?

— Во-первых, я никого не виню, — задрал подбородок Владька. — Это, как тебе известно, не в моих правилах. А во-вторых... — Он подмигнул Махмуду: — Пока в изоляторе сидел, у меня такой планчик созрел — пальчики оближешь! Под кодовым названием: «Звонка в милицию не будет!» Хочешь, расскажу?

— Нет, — встрепенулся Махмуд. — Не хочу даже слушать!

— Чего ты испугался? — удивился Фарманов. — Если мы с тобой провернем его...

— Да не хочу я ничего проворачивать, Владька! — вскричал Махмуд. — Тебе что, мало двух лет, ты теперь прописаться в колонии хочешь? Прошу... не лезь ты ко мне со своими планами! Понял? Жизнь — не приключенческие книжки и не игра. Мне бы этот срок без «ЧП» выдержать!

— Махмуд, ты что? — всполошился Владька. — Я же пошутил, я ничего такого и не хотел! — Лицо его вдруг стало таким виноватым, что Махмуд рассмеялся.

Легко, будто погладил, коснулся его руки:

— Прости, нервы стали куда не годные.

— Я понимаю, — помрачнел Владька.

— Пока не понимаешь, мальчишка ты еще совсем... Скажи мне лучше, неужели тебе было не жаль этих людей, которые верили вам, отдавали деньги? Где же твоя совесть?

— При чем здесь совесть? Там же сплошь спекулянты работают!

— Нельзя всех под одну гребенку.

— Нужно! — вскинулся Владька. — Я так считаю.

— Ну, если ты так считаешь! — усмехнулся Махмуд.

— Да, считаю! И еще считаю, что пока до них доберутся, я сам их накажу...

Он замолчал, насупился.

За сюрпризом с Владькой последовал вскоре еще один, озадачивший Махмуда. Как-то вечером его вызвали к майору. Зачем он им понадобился? Может, Кура с дружкойми, со Славкой этим наклепали что? Но оказалось, что дело совсем в другом.

Кидаш и Ибрагимов сидели друг против друга за большим письменным столом, и Махмуду показалось, что они только что спорили между собой и недоспорили.

— Что-то стенгазета наша в последнее время хромает... — начал майор. — А вы, Умаров, кажется, студент?

«Ну вот, — не без злорадства подумал Махмуд, — и начальству «умные» потребовались». Он не выдержал и спросил с горькой иронией:

— Что, про дисциплину писать?

— Именно! — подхватил Ибрагимов. — Вот напишете заметку и сами подтянетесь, осознаете.

Майор недовольно покосился на него и снова обратился к Махмуду с неожиданной на его грубоватом лице располагающей и тонкой улыбкой:

— Свободу творчества не ограничиваем.

— А про что писать? Какая уж здесь свобода, не то заведение, — хмуро бросил Махмуд. — И вообще, о чем толковать с новичками, какая воспитательная работа, когда Кура с Толкуновым всей «воспитательной работой» управляют.

— Ну, почему же... — пожал плечами майор. — Разве уж так у нас с вами дела плохи? Вот хотя бы ваша бригада, трудится вполне прилично. И не одна она. В клубе недостатки есть, не спорю, но ведь что-то делается. И лучше будет, если сами побольше активности проявите. Так, Умаров?.. И о недостатках можете писать, естественно. В общем, подумайте, никто вас не торопит.

— Да уж, тут торопиться некуда, время есть, — раздраженно бормотал Махмуд под нос, возвращаясь в барак. Но чем-то встреча с майором его задела, запомнилась.

Неожиданно для себя Махмуд открыл, что часто разговаривает сам с собой. Сознание его как бы раздваивалось, плоть как будто существовала сама по себе: тело продолжало свою механическую деятельность — двигалось, делало физическую работу — месило раствор, штукатурило стену, клало кирпичи, поглощало пищу, сидело на лекциях, отдыхало по ночам, а сознание жило своей жизнью, вело свой счет времени.

Вот и сейчас Махмуд был далеко отсюда, стоял у главного входа филфака и ждал Малину. Он знал, что она вот-вот должна появиться, и она действительно появилась, как только он подумал об этом.

— Ты давно меня ждешь?

— Только пришел.

— Ты вышла одна, где же остальные?

— У нас общенинститутское собрание, — сказала Малина, в свою очередь удивляясь его вопросу. — Я сбежала, потому что ты меня ждал.

«Но ты ведь не знала, что я тебя жду!» — хотелось сказать ему, но промолчал.

Они шли мимо центрального фонтана «Букет роз». Фонтан, как обычно, не работал, но чем-то был мил горожанам. В зеленой заплесневелой воде плавали обрывки газет, окурки, спичечные коробки. Дно устилала черные прошлогодние листья, изредка поблескивали медью и серебром мелкие монеты.

— Ты помнишь, на этом месте стояла эстрада? — спросила вдруг Малина.

— И каждое воскресенье крутили кино, — улыбнулся он.

— Дядя Миша играл на баяне, и вокруг него было всегда много детей.

— Потому что парк был детский. А там, на том пятачке, была карусель, помнишь?

— Она почти не работала.

— Работала, только надо было крутить ее вручную. Сколько раз мне приходилось крутить с пацанами...

— А почему мы не знали друг друга? Даже не виделись!

— Может, и виделись, только не обращали внимания. Что мы тогда понимали? — Махмуд улыбнулся. — Дручуном я был, такие с девчонками не водились.

— А тебе ничего не будет, если узнают, что ты без разрешения приходишь ко мне... ну, оттуда?

— Ничего! — он обнял Малину за плечи. — Они же ничего не знают...

— Хорошо как!

— Что «хорошо»?

— Что нам никто не сможет помешать встречаться каждый день, так?

— Так.

Он поцеловал ее в щеку, легко, едва касаясь губами нежной кожи.

— Ты знаешь, я теперь лишь понимаю, что такое по-настоящему — свобода. Я бы, наверное, по-настоящему убежал, если бы не смог видеть тебя, если бы ты вдруг отвернулась от меня, забыла.

— Я бы тоже убежала к тебе.

— Глупая, тебе же не надо никуда убегать! Ты только жди меня, каждый день — и я всегда буду рядом.

— Я жду.

— Вот и хорошо, потому мы и вместе. Пошли поедим мороженого.

— Здесь нет мороженого.

— Ах, да! Я совсем забыл, что давно уже не детский парк, где было самое вкусное мороженое... Как хорошо, что мы вспомнили детство. Как хорошо, что есть ты, что можно убежать к тебе. Это дает мне силы жить там иначе бы я, наверное, убежал бы по-настоящему, хотя это и ужасно глупо. Те, кто бежит, просто перестают верить во все это...

— Послушай, браток, закурить бы, а? Угости табачком?

Махмуд открыл глаза: возле Ядгарова стоял Кура, за ним Шальной и Морячок.

— Не жмись, хозяин! — дурачась, просипел Шальной. Ядгаров вытащил из-под подушки мешочек с махоркой, молча протянул Кура, не вставая с койки.

— Мерси, Юрок! — шутовски поклонился Кура.

— Слушай, пожрать не найдется?.. Что молчишь, жалко поделиться с братом своим?

— Ты мне не брат! — глухо отозвался Ядгаров. — Нет у меня ничего.

— Как это — нет? Мамаша твоя — начальник большой, говорят.

— Отстань-ка ты от меня! Отстань, слышишь? — сказал Ядгаров и отвернулся.

— Какой некультурный, — Кура обернулся к друзьям. — С ним по-хорошему, а он морду воротит. Презирает простого труженика, встать не может...

Дружки захихикали.

— Проучить его надо, — встрял Шальной. — Чтобы уважал общество.

— Мысль верная, а? Как думаешь, Морячок? — подмигнул Кура.

Морячок вышел вперед, склонился над Ядгаровым.

— Эй, с тобой говорят!

— Ну, а тебе чего от меня надо! — усмехнулся Ядгаров. — Драться хочешь? Так прямо и скажи!

— А хотя бы так! Видали мы таких боксеров...

— Ну зачем так сразу и драться! — Кура укоризненно покачал головой. — Надо по-хорошему, а, Юрок? Ну, улыбнись же мне, брат по несчастью!

Ядгаров искоса смотрел на Куру, дыхание у него было прерывистое.

— Улыбнись же, тебя просят! — толкнул его в бок Морячок.

— Руки-и-и! — рывкнул вдруг Юрка, вскакивая с кровати. Тело его, не потерявшее и здесь упругости и силы, собралось в боевую стойку.

Махмуд сидел на корточках перед тумбочкой, бесцельно копался в ней. «Не вмешивайся! Ты один, а их много, ты всегда будешь неправ: тебе нужно лишь выдержать, выйти побыстрее из колонии! Остальное тебя не касается».

Кровь пульсировала в висках. Он подумал, что это из-за неудобного положения головы, но поднять ее не было сил. Голос Куры, приторно-сладкий, фальшивый и в то же время спокойно-наглый, полный какой-то звериной радости от сознания своей силы, власти, тяжелыми, удушающими волнами накатывался на Махмуда.

— А если не уберу руки? — издевался Морячок. — Что тогда будет?

— Уйди от греха! — голос Ядгарова дрожал.

Он медленно пятился от наступающего Морячка.

— Куда же ты? — Морячок протянул руку, стараясь коснуться его лица растопыренной пятерней.

— Ну, гад! — крикнул Ядгаров и тут же нанес почти неуловимый взглядом прямой удар в челюсть.

Морячок рухнул как подкошенный. В ту же секунду на Ядгарова ринулась вся компания во главе с Курой.

— Сто-о-о-ой! — на их пути внезапно вырос Ахунжаков. — Стойте!

Он отбросил в сторону Шального, перехватил руку Куры.

— Не лезь, Ульмас! — скривил губы Кура. — Не суйся не в свое дело.

Махмуд подошел к ним, встал рядом. Кура скользнул по нему тяжелым взглядом:

— А тебе чего надо, Студент? Или жить надоело?

Махмуд не двинулся. Кура отвел взгляд, уперся глазами в Ахунжакова.

— Драться будем, дядя?

— Я не дерусь! — дернулась бровь у Ахунжакова. — Я убиваю. Вы меня знаете, салаги.

— Уходи, Кура, — к ним подошел Владька Фарманов и встал рядом с Махмудом. — Тебе же хуже будет, случись что — срок добавят, добром это не кончится.

Кура угрюмо пожевал губами, глухо буркнул:

— Ну, ладно... Мы еще посмотрим...

Он пошел к выходу, за ним двинулись дружки. Последним плелся Морячок, которого поддерживал Шальной. На пороге Морячок обернулся:

— Должок за мной, не забудь, сука!

— По-ш-шол! — гаркнул Ахунжаков.

Когда за ним закрылась дверь, он вздохнул, сказал с упреком, обращаясь в пространство:

— Эх, люди, люди! Чего вам не хватает? Почему так ненавидим другого, ведь один раз живем! Э-э-эх!

Ядгаров поправил свою постель.

— Сволочи! — вдруг сказал он, резко выпрямляясь и обращаясь ко всем, кто оставался в бараке. — Гады вы!

— Ну, дает! — отозвались голоса. — Полегче, парены!

— Он правду сказал, — поддержал Ахунжаков. — Хвосты поджали.

— Нет, неправда это, — неожиданно для себя возбужденно заговорил Махмуд. — Ты, Юрка, сам по себе, ты один правильный. А ведь вокруг тоже люди, их уважать надо.

— Не понял! — сдвинул брови Ядгаров. — Кого здесь уважать?

— Вот и Кура так думает, чем же ты лучше? Они же стадо. Ты что же, надеялся, что за тебя вступятся те, кого ты только что оскорбил?

Махмуда будто прорвало. Сейчас он обвинял Ядгарова, обвинял всех, кто был в бараке, наблюдал в сторонке

гнусную картину, которая повторялась изо дня в день, обвинял себя. Он хуже всех, ведь он любит Юрку, Ахунжакова, почему же Ульмас вступился, а он, Махмуд, молчал, ждал, чтобы сначала это сделал кто-то другой? Он говорил гневно, горько, а на душе почему-то становилось легче. Может, потому, что его слушали и слышали..

14

Они снова были вместе в безлюдном парке, снова одни, сидели в беседке, и никто не мешал им. Но странное было у него ощущение—будто парк заполнен людьми, он даже различал обрывки фраз, слышал девичий смех. А они с Малиной словно оказались вдруг в ином измерении, пространство сместилось и отрезало их от действительности, спрятало на время. И потому он слышит звуки, даже шаги, будто кто-то ходит рядом, совсем близко, такое ощущение, что этот кто-то может ненароком наступить ему на ноги, и он даже с опаской поджимал их.

Где-то рядом играл оркестр, плавная тихая мелодия, обволакивала, усыпляла, умиротворяла. И понемногу Махмуд освобождался от усталости, что накопилась за день.

— Я недавно вспомнил, как впервые увидел тебя, — сказал он. Мягкие ее волосы щекотали ему шею, он коснулся губами пушистой прядки, ощутил нежный аромат ее кожи.

— Это было так давно, — засмеялась она. — Тысячу лет назад.

— А кажется, будто вчера... Ты шла по улице и остановилась выпить газированной воды.

— В тот день была ужасная жара, и мне так хотелось снять туфли.

— Я сказал ребятам: «Вот это да!»

— А я увидела, как незнакомый парень бежит ко мне, смотрела и не могла отвести взгляда.

— Ты так смотрела, что я споткнулся и чуть было не растянулся на асфальте. И ехидно назвала меня «дедушкой».

— Потому что ты споткнулся. Знаешь, ты мне тогда ужасно не понравился, я сразу поняла, что ты хочешь познакомиться. А я не люблю нахалов.

— Нахалов... Ты так презрительно смотрела на меня, что все нормальные слова вылетели у меня из головы, представляю, что я нес!

— А когда ты назначил мне свидание, я сказала себе:
«Ни за что!»

— А я знал, что ты не придешь, и потому искал тебя. Каждый свободный вечер бродил по городу, знал, что в конце концов обязательно встретимся.

Она тоненько рассмеялась...

— Махмуд, совсем из головы вылетело, — позвал Ахунжаков. — Тебе письмо.

На конверте почерк Малины:

«Махмуд, милый мой, вот и я!»

Сегодня была у твоей матери, дома все хорошо, ты не бойся. И еще... пришла я к вам и вдруг вижу — этот Женя Сабуров в огороде копается. Я остановилась, чуть не заплакала, смотрю на него и слова не могу сказать...

Я, наверное, ужасно на него смотрела. Так он и ушел, растерянный, жалкий. Мама твоя потом говорила мне: зря я его так! Понимаю, что зря, понимаю и ничего не могу с собой поделать... У него, оказывается, кончился срок, и вот он пришел к вам домой...»

Махмуд отложил письмо, на минуту прикрыл глаза. Потом перевернул листок:

«Я много передумала за это время. К сожалению, наверное, всегда так: только издали видишь все так, как есть на самом деле, многое открывается совсем по-новому. Наверное, и у тебя сейчас так же. Но для меня остается главное — мое отношение к тебе, к нам... И этот Женя тоже заставил меня многое понять. Знаешь, у тебя, наверное, не было настоящих друзей. Ты прости, что так резко, но, наверное, сам виноват: и ты не был никому настоящим другом, даже мне... Махмуд, дорогой, я понимаю, что там, где ты сейчас, — не лучшее место для размышлений. А может быть, наоборот. То, что с тобой, со всеми нами случилось, наверное, не пройдет бесследно... Я где-то читала, что человеку, если он только человек, все, что бы с ним ни случилось, в итоге на пользу. Пойми, я думаю не о себе, о тебе. Мне и так хватало твоей любви, как бы ни было трудно, а вот тебе — давала ли она все то, что может дать любовь? До свидания, милый, еще раз прости твою Малину. Мне, наверное, нужно просто поддерживать тебя как-то, а не читать мораль. Больше не буду...»

— Махмуд, ты прости, что отвлекаю.

Ахунжаков присел на край скамейки, свернул самокрутку.

— Закуришь?

— Не хочется что-то.

— Понимаю, — Ульмас затаился, закашлялся глухо, с надрывом. — Табак горький попался.

— Бросать надо курить, — сказал Махмуд, чтобы что-то сказать.

— Не могу, — серьезно откликнулся Ахунжаков. — Как-то отвлекает, и вроде легче становится. — Он помолчал, потом глянул на конверт.

— От кого письмо?.. От...

Махмуд кивнул.

— Хорошая, видно, девчонка.

— Хорошая.

— Когда моя на суд пришла, я ее не узнал, — тихо сказал Ахунжаков. — Старухой совсем стала. — Он снова обжег окурком пальцы, швырнул, растер подошвой. — Несладко ей сейчас одной с пацанами.

Подошел Владька Фарманов, сел рядом.

— Ядгарову письмо пришло.

— Да ну? — недоверчиво сказа* Ахунжаков.

— От кого? — встрепенулся Махмуд.

— Не знаю. Он там... в барак ушел.

Ульмас поднялся.

— Пошли посмотрим!

— Неудобно как-то... — замылся Махмуд. — Потом спросим.

— Ничего, — возразил Ахунжаков. — А вдруг мать написала!

Ядгаров лежал ничком на кровати, уткнувшись лицом в подушку, — поза необычная для негнибаемого Юрки.

— Юр! Ты что? — осторожно дотронулся до него Махмуд. — Юрка!

Ядгаров не отвечал.

— Случилось что-нибудь, а? — спросил Ахунжаков.

Ядгаров вздохнул глубоко, сел, вытер лицо полотенцем, осветился слабой, растерянной улыбкой:

— Случилось. Мать написала, — показал он смятый листок, который сжимал в кулаке. — В больнице полгода лежала, потому и не писала. Не хотела меня расстраивать. Сейчас в порядке, и вот...

Глаза его снова наполнились слезами, он отвернулся, будто забыв о них.

— Страшно стало, вдруг с ней что-нибудь... и я больше никогда бы ее не увидел! — с тоской и болью выговорил он. — Испугался...

Махмуду тоже стало жутко от этой простой, казалось бы, мысли. Случись что с матерью, он же никогда бы ее

больше не увидел, он здесь и должен отбыть свой срок, отбыть наказание...

Ядгаров понял его состояние, улыбнулся ободряюще:

— Все в порядке, Махмуд.

— Все в порядке, ребята! — подхватил Ахунжаков и обнял их за плечи. — Я же говорил, все будет хорошо!

Махмуд уже настолько освоил кладку стен, что кирпич ложился автоматически; работа нелегкая, но она теперь почти не занимала сознания. Поэтому он теперь предпочитал избегать перекуров, когда занят разговорами, а голова пуста...

— Ты знаешь, Ядгарову пришло письмо от матери.

— Знаю, — таинственно улыбнулась Малина.

— Откуда? Ведь я тебе об этом не писал?

— Глупый, — засмеялась она. — Но ты ведь писал, что писем ему нет... Женщина и так чувствует, сердцем. А мать... как бы ни был виноват сын, она всегда останется с ним.

— Скажи, ты мне веришь? Веришь, что я еще докажу? У меня есть еще время доказать...

— Видишь, ты сам не знаешь, что ты хочешь доказать и кому, — мягко укоряет Малина.

— Я знаю, — говорит он, вспыхивая, потому что она действительно права. — Мне тут Ульмас, прораб наш, рассказал об одном парне... Странно, когда об этом на лекциях или беседах воспитатели говорят, не очень верится, а вот когда товарищи... Ну, в общем, парень этот все прошел, казалось, пропадет, а он нашел силы, школу вечернюю потом окончил, в институт пошел. Теперь он довольно крупный ученый, в знаменитом Академгородке, в Новосибирске работает, лауреат даже. Ну, конечно, не обязательно всем быть лауреатами, верно? Я тут начал пробовать кое-что... Смешно, мне воспитатель толковал про заметки в стенгазету, ну, стал пробовать, получилось совсем другое. То есть, я не знаю, получилось ли, но другое...

В общем, в газету отдавать боюсь, засмеют. Есть гениальная идея, как любит говорить чудака Владька. Я тебе о его фокусах писал. Все, пока больше ничего не скажу, чтоб не сглазить, ладно?

— Ладно, — соглашается Малина. — Я рада, что ты хоть как-то уже умеешь отвлечься от однообразных мрачных мыслей. Нельзя жить по инерции, милый, нигде нель-

зя. Тебя и туда привела эта инерция, ты просто остано-
вился. А теперь вот, кажется, сдвинулся с места... И ни-
чего не надо доказывать мне, я тебя и так люблю. Дока-
жи себе.

Деревянные подмости, перемазанные желтой жирной
глиной, все в засохших комьях раствора, внезапно качну-
лись под ногами. Слегка поплыло в глазах. Махмуд разо-
гнулся, свободной рукой вытер взмокший лоб. Приближа-
лось время обеда, но все словно забыли о еде. Ватники
потемнели от влаги, но никто не жаловался, работали как
всегда, хотя мелкий дождь, зарядивший с самого утра, сы-
пал непрерывно, тонкие струйки воды медленно текли по
влажным стенам, накапливались в оконных проемах, отку-
да потом стекали широкими мутными полосами.

— Кирпич!— крикнул сверху Ядгаров.

— Кирпич!— донеслось с другого конца.

— Раствор!— подхватил Махмуд.

Сейчас появятся Владька с напарником. Махмуд поде-
лился с ними ядгаровской «рационализацией», не скрыл и
имени автора, и Владька с тех пор тоже привязался к Юр-
ке. Да и сам Юрка, после того памятного письма, как-то
немного оттаял. А может, стычка с Курой подействовала.
Она не могла не произойти, и когда произошла, будто раз-
рядилось что-то, как после грозы, дышать стало легче. Хо-
тя ясно, что на этом дело не кончится.

А вот и Владькина долговязая фигура, согнутая под
тяжестью носилок, показалась над уровнем кладки.

— Давай, давай!— поторопил Махмуд, поигрывая
мастерком. И вдруг в глазах поплыло сильнее, острая
боль резанула где-то за диафрагмой. Махмуд выронил
мастерок, скрючился.

— Чего сачкуешь?— хмыкнул Шальной, он был на-
парником Фарманова.— Мы тут вкалываем, понимаешь...

— Заткнись,— оборвал его Фарманов, оставляя но-
сильки.— Что с тобой, Махмуд!

— Н-не пойму, больно...— Махмуд с трудом разогнул-
ся, поднял было мастерок, но боль не оставляла.

— Вали живей за прорабом,— приказал Владька
Шальнойму.

— Еще чего! Вы дружки, сами и вали!

— Ну!— рывкнул Владька. Он поддерживал Махмуда
под локоть.

Шальной с грохотом скатился по трапу.

Через минуту появился Ахунжаков, озабоченный, с огрызком карандаша за ухом, замазанный глиной.

— Не буду я с ним таскать! — вился сзади Шальной. — Пускай сам бегаёт.

— Кончай болтать, — оборвал его Ахунжаков. — Работать надо, давайте, Владька.

— Ты иди, иди, — улыбался через силу Махмуд. — Не беспокойся.

— Пошли, что ли! — Фарманов подхватил носилки, побежал по трапу вниз.

— А Владька даёт ему жару, — довольно сказал прораб, глядя в спину Шальному. — Ты пока посиди в сторонке, а завтра с утра к доктору пойдёшь. Ничего страшного, гастрит или язва начинается, это, брат, здесь бывает.

— Может, не надо, а? — пробовал возражать Махмуд. — Я потерплю, может, пройдёт?

— Все, кончен разговор.

Т

15

Врач подтвердил «диагноз» прораба — острый гастрит. Прописал лекарства, диету, «возможную в данных условиях», — добавил он. Помогло. Махмуд снова вернулся на стройку. Как-то зимним вечером, когда Махмуд вернулся с работы, дежурный передал ему два конверта. Одно письмо было от матери — быстро пробежал листок, все он уже знал из писем Малины, порадовало только, что мать не падает духом, ждёт... Почерк на втором конверте был не знаком, но только глянул на обратный адрес — кровь бросилась в лицо.

«Все-таки ответил!.. Он все-таки ответил, не поленился!» Махмуд не сразу вскрыл конверт и читал сначала, так волнуясь, что схватывал лишь отдельные фразы.

«...Я, ты знаешь, механик, не литератор, потому, наверное, объективно судить не могу. Глаз у тебя вроде приметливый и душа есть, а вот культуры не достаёт. Больше читай, учись писать, учись жить и познавать жизнь... Ты сообщил, что недоучился в педагогическом. Может, есть смысл окончить?.. Знаешь, после всех своих мытарств и отсидок мне захотелось самому стать воспитателем в колонии, да вот точные науки перетянули... Подумай, может ты сумеешь стать наставником другим заблудшим. Благородное дело, и материал человеческий для писания у тебя будет ох какой богатый. Главное же, хочу сказать напоследок, — не озлобление, а зрелость пусть даст тебе за-

ключение... Будь мужественным, жизнь всегда и всюду — не прогулка... Привет Ульмасу, верю, что это его последняя ошибка, так ему и передай». «Перечитаю как следует потом, — решил Махмуд и бережно уложил письмо на самый верх заметно выросшей заветной стопки.

— Малина, я тебе давно хотел сказать...

— Я все знаю, — глаза ее лучились. — Ты получил письмо от Андрея Петровича...

— Я и забыл, что от тебя ничего нельзя скрыть.

— Нельзя, — охотно подтвердила она.

— Ну да, эта ваша женская интуиция...

— На сердце потеплело от этих слов, а что ответишь... Не только. Потому что я в тебе, потому что я — это ты, потому что мы вместе.

— Ну вот, я тебе о нем писал, он тоже сидел в молодости и...

— Я помню. И ты послал ему свои рассказы.

— Да. — Махмуд смутился. — То есть нет... это не совсем рассказы, так, наброски... Он прочитал и ответил.

— Тебе нужно больше читать, Махмуд.

— И он это говорит.

— Читать и учиться, обязательно учиться, тогда ты победишь. Ты же способный. Я-то знаю.

— Спасибо тебе, Малина.

— За что меня благодарить?

— За все! — он погладил ее по волосам, которые вдруг рассыпались под его руками, закрыли ей плечи. Она засмеялась. — Спасибо, что ты со мной, что ты есть!..

— Ты все же перешел на новую работу?

— Да... в хлеборезку, хотя не соглашался. Врач посоветовал.

— Врач? А что с тобой?

— Да пустяки. Гастрит. Уже прошло.

— Эта у тебя нервное.

— Наверное... Режу хлеб на порции — и не по себе. Стыдно: ребята там делают настоящую работу, а я в тепле сижу. Руки сами тянутся отрезать побольше Юрке, Ульмасу, Владьке, припрятать для них... Приходится бороться с собой.

— Это тоже твоя победа.

— Думаешь? Может, ты и права... Недавно зашел Кура, попросил хлеба и заварки. Хлеб я ему дал, свой паек,

а заварку нет. Сказал, что не хочу грабить ребят. Он ничего не сказал, только уставился мне в глаза — и веришь, я выдержал, не испугался. Впервые не испугался...

И он ушел. Он ушел, а я готов был на потолке чечетку танцевать, так мне стало легко, так хорошо и вольно, будто родился заново.

Потом Славка Толкунов зашел, ничего не просил, просто сидел, думал о чем-то. Только уходя сказал, не глядя на меня:

— Ты смотри... осторожнее будь. Кура не любит, когда ему отказывают.

И все, больше ничего не сказал.

«ЧП» действительно произошло. Кура со всей компанией избили Владьку Фарманова. Они, как всегда, издевались над кем-то из соседнего барака, Фарманов вступился и попал в лазарет. А когда через пару дней вернулся в отряд, его вызвали на беседу. Ни майор, ни лейтенант Ибрагимов, ни начальник оперчасти ничего не добились, Фарманов твердил одно — упал с лесов. Начальство отступило.

— Ну что, теперь полный порядок, и дальше терпеть будем? А Кура нас по одному в свою веру приводить будет? — горячился Ядгаров. Вокруг собрались ребята, молчали, думали.

— Чего ж, по-твоему, стучать надо было, — сердился Владька. — Еще иди докажи....

— Пусть Умаров идет к майору, — предложил кто-то. — Он в редколлегии, на хорошем счету у майора...

— Значит, я должен идти к Кидашу! — возмутился Махмуд. — Я пойду, а вы в стороне?..

— Так он тебе лучше поверит, чем нам, — поддержали «оратора».

— Пусть Ахунжаков скажет, — бросил кто-то из глубины барака. — Давай, бригадир!

— Ребята правы, — неожиданно поддержал идею Ахунжаков.

— А если лейтенант узнает? — возразил Ядгаров. — Неужели майор поверит Махмуду, а не своему заместителю? Ибрагимов-то всегда на стороне Толкунова и Куры.

Стало тихо.

— Если и в этот раз сойдет Кура, нам хана, — сокрушенно сказал тот, который предлагал послать Махмуда к майору.

— А если Кура пронюхает, что Умаров у майора на randevу был, тогда Махмуду житья не будет. Вот и выби-

рай тут.— Фарманов посмотрел на Ахунжакова.— Ну, что молчишь?

— Я думаю, — ответил Ахунжаков. Он вздохнул, оглядел всех, заговорил спокойно: — Все будет нормально...— Он обернулся к Махмуду.— Иди, Умаров!.. Мы поддержим, моя голова с тобой.

— И моя, — улыбнулся Ядгаров.

→ О моей и говорить нечего, — заключил Владька.

— А мы что?—раздался чей-то голос, который тут же потонул в выкриках остальных.

Махмуд потоптался возле кабинета и, решившись наконец, потянул ручку.

— Разрешите, гражданин майор?

— А, Умаров! Входи.

Махмуд шагнул в кабинет и замер на пороге — у окна сидел лейтенант Ибрагимов. А почему бы ему и не сидеть — он здесь по службе. Все так, но как говорить при нем?

— Ну?

— Здравствуйте! — Махмуд покраснел.

— Здравствуйте, — улыбнулся майор, снял очки, положил их на папку.— Слушаю тебя.

— Я вот зашел к вам...—мялся Махмуд, боясь встретиться с напряженно-вопросительным взглядом лейтенанта.

— В чем дело? Говори, Умаров. Вот, присаживайся, — майор двинул свободным стулом.

— Может, я пойду, товарищ майор, — начал подниматься Ибрагимов.

— Нет, нет, — еще больше смешался Махмуд.— Вы не подумайте, что я из-за вас... — Он замолчал, собираясь с мыслями. И вдруг ему стала совершенно отчетливо ясна вся нелепость его прихода. Не разберутся, не поддержат? Нет, теперь он так не думал. Но почему должно разбираться начальство? Ведь это они, сами, терпели таких, как Кура, ведь по сути они сообщники! И как он до сих пор этого не понимал? Раз позволили хозяйничать Куре, значит, сами потворствовали заведенным этой кучкой порядкам. Именно кучкой. Ведь их больше, намного больше, чем этих! Вот уж действительно, как малыши, ябедничать пришел. Позор!

Махмуд поднял голову и встретился взглядом с майором. И прочитал в его глазах все.

Правильно! — словно говорили эти глаза, искрящиеся мудрой, доброй усмешкой. — Вот сейчас я слышу голос взрослого человека. Я могу помочь устранить эту компанию, но зачем это делать мне? Неужели вы думаете, что я ничего не вижу? Что за многие годы службы даром ем свой нелегкий хлеб? Нет, Умаров, майор Кидаш многое может, но он не всесилен. Сила у вас, у коллектива, у всех вместе и у каждого в отдельности. И в этой силе спасение не только от Куры, но и самих себя; в ней и сегодняшний ваш трудный день здесь, и ваше будущее. Не робей, Умаров! — говорили эти глаза. — Не такие еще вопросы тебе решать в жизни, и никаких майоров рядом не будет, придется решать самому...

— Мы хотим провести общее собрание колонии. Я пришел спросить, согласны ли вы? — сказал Махмуд и поймал одобрительную улыбку майора.

Ибрагимов взглянул на Кидаша, пожал плечами.

— Никто вам это не может запретить, — сказал майор. — Назначайте день.

— Спасибо вам. Мне можно идти?

— Иди, — легкая улыбка снова скользнула по обветренным губам майора. — И чтобы все было в порядке.

— Все будет, как надо! — засмеялся Махмуд...

— У майора был?

Кура встретил Махмуда у хлебозрезки. Махмуд усмехнулся, молча прошел мимо.

— Стой! — преградил ему дорогу Кура. Глаза его на мгновение покрылись какой-то пленкой, потом угрожающе сузились: — Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Ты очень этого хочешь? — сказал Махмуд.

— Что ты с ним возишься, Кура! — дохнул Махмуду в затылок Морячок. — Казнить и точка.

— Успеем, — усмехнулся Кура. — Это мы всегда успеем, а, Студент?.. Ты ведь знал, на что идешь, так?

— Знал, — ответил Махмуд. Нет, он не испугался, даже не чувствовал никакого волнения. Наоборот, пожалуй, удивился бы, не встретить его сейчас Кура, насторожился бы. Теперь же пришло неожиданное успокоение, ощущение своей правоты и силы. Кура был не один, значит, не так уж уверенно он себя чувствует. Кура боится — это уже кое-что!..

— Я тебя предупреждал, Махмуд! — раздался голос Толкунова.

Махмуд резко обернулся.

— Значит, я неправильно понял предупреждение... Ду-

мал, ты по-дружески... Не ожидал тебя здесь увидеть, Слава!

— А зря! — усмехнулся тот. — Потому что... я не могу быть с предателем, с Иудой!

— Дай я с ним поговорю! — замахнулся Морячок, но Кура перехватил его руку.

— Не торопись, еще я не поговорил с ним. Скажи, за чем ты ходил к майору, и мы тебя не тронем.

— Надо было, вот и пошел! — разжал сведенные зубы Махмуд. — Или у тебя на каждый шаг разрешения просить?

— Пойдем отсюда, толком поговорим, — сказал Кура и добавил насмешливо: — Или боншься, герой?

— Не боюсь я ничего, — ответил Махмуд, — пошли.

В бараке было еще пусто. Кура вошел первым, косо глянул на дневального:

— Дуй отсюда!

Дневальный выскользнул из барака, захлопнул за собой дверь.

— Ну, и что дальше? — спросил Махмуд, ощущая легкую дрожь. В ту же секунду сильный толчок в спину бросил его на стол, но он тут же выпрямился, обернулся, опираясь о стол руками.

— Настучал? — надвинулся на него Шальной. Лицо его перекосилось, губы дергались.

— Падаль мусорная! — истерически крикнул Морячок. — Стукач!

Кура, улыбаясь, наблюдал за Махмудом.

— Не молчи, оправдывайся...

— И не думал я стучать, — сказал Махмуд.

И тут же, ненавидя себя за накотивший страх, за то, что стал оправдываться, стараясь перебороть себя, закричал надрывно:

— Мое дело! Надо было, и пошел! Что надо было, то и сказал! Все сказал!

Он прижался к столу, чувствовал, что еще секунда — и они кинутся на него, ожидая лишь, как волчья стая, прыжка своего вожака. «Идиот! — клял он себя. — Тоже герой выискался! Надо же было лезть в эту ловушку! Поговорить можно было бы и там, во дворе! Так тебе и надо! Так ты и...»

Кто-то сильно рванул дверь. Табуретка, которая держала ее, с грохотом отлетела, дверь распахнулась.

Первым влетел в барак Юрка Ядгаров, следом — Ахунжаков, Владька Фарманов, другие ребята.

— Просим уважаемое собрание простить нас за втор-

жение! — Ядгаров отшвырнул плечом Шальной. — Хотите узнать, какая повестка дня?

— Вот, братки! — заговорил Шальной, кинув затравленный взгляд на своего жоака. — Разбираемся... Он ходил к майору, настучал на всех. Кура его засек..

— Разбираетесь, значит? — спросил Ахунжаков.

— Век воли не видать, бугор! — заторопился Шальной. — Сам видишь, и Толкунов здесь, председатель совета. Кура предложил сначала между собой разобраться, а потом и другим сказать.

— Что ж, тогда продолжим, — сказал Ядгаров. — Давайте, нам тоже интересно, о чем речь.

Кура подтолкнул вперед Славку.

— Пожалуйста, — сказал Толкунов. — Но прежде чем продолжить, мне хотелось бы предупредить всех... Знаете, что он настучал майору и теперь у нас должен быть особый обыск? Кура говорит...

— Перероят каждую шмотку, каждую дырочку! — визгливо крикнул Шальной, перебивая его. — За каждую малость теперь не оберешься!

После крика наступила звенящая злая тишина.

«Почему? Почему все молчат? Сами же посылали... Значит, и они — стая, а он...»

— Чего же вы смотрите? — Шальной шагнул к Махмуду. — Бить его! Темную! Чтобы знал, как ходить к майору! Со всех не спросят!

— Бей! — завопил Морячок. Ахунжакова и Юрку оттеснили, Владька стоял с разинутым ртом, не понимая, что происходит.

Махмуд не шелохнулся. Он даже не попытался закрыться, смотрел перед собой невидящими глазами и будто не слышал угроз, не видел размахивающихся кулаков. На него вдруг напала страшная апатия ко всему на свете, ему теперь было все равно...

— Погодите!.. — Славка вдруг встал рядом, заглянул ему в лицо. — Что это мы... — Его как будто разбудили среди ночи. — Ничего не понимаю... — Славка даже потряс головой, — Махмуд, может, мы чего-то не поняли? Объясни, наконец, зачем ты ходил к майору?

— Нечего ему говорить, — недовольно перебил Кура. — Все и так ясно.

— Все и так ясно, — глухо повторил Махмуд. — Ничего я вам не скажу.

— Видали — сам подтверждает! — торжествующе подхватил Кура. — Ну, Студент, сейчас я до тебя наконец до-

берусь.— Кура схватил его за руку, стал с силой выворачивать ее за спину.

— Уйди, сволочь! — Ядгаров дернул Куру за плечо и, когда тот обернулся, ударил его заученным ударом снизу вверх.

Кура, даже не ойкнув, рухнул на пол.

В ту же секунду в руке Морячка сверкнуло отточенное лезвие. Сверкнуло и погасло, а сам Морячок забарахтался в обезьяньих лапах Фарманова.

— Я... я ничего! Братцы, я ничего не хотел! — залепетал Шальной, медленно отступая к дверям.

— Бей их! — раздался чей-то крик. Но тут очнулся Махмуд.

— Стойте! Нельзя же подводить майора. Он же нам верит.— Стойте! Давайте разберемся что к чему...

17

— Детки, детки, ко мне! — звал голос невидимого дяди Миши. Потом на детской площадке послышался топот маленьких ног, заиграл баян.

— Ну, кто у нас самый смелый?.. Вот хороший мальчик! Что же ты хочешь нам исполнить?.. Очень хорошо! Как тебя зовут? Махмуд. Очень хорошо, а фамилия? Умаров. Прекрасно! Внимание — Махмуд Умаров споеет нам песню... Так какую песню ты хочешь спеть, Махмуд? Он споеет нам песню о «Юном барабанщике»...

Заиграл баян, и ломкий, неуверенный голос запел:

Средь нас был юный барабанщик,
В атаках он шел впереди
С веселым другом барабаном,
С огнем большевистским в груди...

— А мне хочется покататься на карусели,— сказала Малина.

— Пожалуйста,— улыбнулся Махмуд, прислушиваясь к песне.

Они подошли к карусели. Старые деревянные кони раскачивались и тихо скрипели. Малина села на коня, карусель медленно завертелась.

— Совсем как раньше,—засмеялась Малина.—Скрипит.

— А ты больше ничего не слышишь?—спросил ее Махмуд, прислушиваясь к звукам на площадке.

— Нет...

Дядя Миша перестал играть. Раздались хлопки.

— Спасибо, Махмуд,— сказал дядя Миша.— А вот тебе награда — карандаш, красный. Ты любишь рисовать?.. Очень хорошо. Кто еще хочет получить приз?

Баян дяди Миши заиграл плясовую, «Яблочко»...

— У нас было собрание. Теперь я член совета коллектива. Куре и его дружкам конец. Их еще и наказали официально...

— Ты жалеешь их.

— Нет, что ты! Заслужили. Просто... Вот Толкунова мне немного жаль. Есть в нем что-то такое... Ахунжакова избрали председателем нашего совета.

— Вот видишь, вы победили.

— Победили! — усмехнулся он.— Если бы не Кидаш..

— Все равно бы победили,— улыбнулась Малина.— Ты сам знаешь, это и твоя победа.

— Да, так... И все же трудно было бы.

Махмуд решил вернуться на стройку. Раз член совета — нечего в хлебозерке ошиваться. Да и легче на воле, среди ребят, время незаметно идет. Как и в самом начале, снова встал к носилкам.

— Ты что, прирос к ним? — смеялся Ядгаров.

Он только улыбался в ответ.

— Здравее буду. Не всем же зодчими, как ты, быть! Вечерами, возвращаясь в колонию, жадно смотрел почту. Теперь письма стали важной частью его жизни, не то что прежде, до случившегося с ним... Они как бы и сами оживали перед ним: вот мама, Малина, Андрей Петрович. И эти свидания с дорогими или ставшими близкими людьми были, пожалуй, не менее нужны, чем их добрые слова, советы, наставления...

Вот и сегодня его ждало письмо от Андрея Петровича:

Махмуд невольно улыбнулся, беря конверт: он получал весточки из Новосибирска гораздо чаще, чем ожидал. Постепенно и сам стал писать туда все чаще и откровенней.

«...Немного задержался с письмом, но ты, я думаю, поймешь. Дела, дела... Времени в обрез, его всегда не хватает.

Ты удивляешься, как я достиг своего положения. Надеюсь, имеешь в виду не научную карьеру? Не в ней, конечно, дело. А как человеком стал? Ну, во-первых, хорошие люди на пути встретились. А во-вторых, и это главное, сам понял — дальше совсем пропаду... Так вот, в итоге

все очень просто. «По щучьему велению» да скатерти-самобранки только в сказках, в жизни само расстилаться перед тобой никто и ничто не будет. Нужно бороться, и прежде всего с самим собой.

Упал — докажи, что это случайность, победил — не знавайся, впереди обязательно новые трудности. Хорошо, что в своей судьбе ты винишь только себя, это уже победа, первая твоя победа над собой. А это не так легко, как кажется на первый взгляд.

Хорошо и то, что ты начал верить в себя... Что касается литературных опытов, по-моему, есть некоторый рост. Твои исторические рассказы мне даже понравились, правда, это пока лишь стилизация на восточный манер, но все же неплохо, очень неплохо...

...Мне кажется, ты должен сейчас поставить перед собой четкую, конкретную цель и начать добиваться ее немедленно, не откладывая. Ведь сколько есть еще мечтателей в кавычках, то есть пассивных наблюдателей. Нет, в жизни должно участвовать, если, конечно, ты несешь в нее не зло, а добро, активное добро... Я вот мыслю, что тебе стоит попытаться поступить в Литературный институт имени Горького в Москве. А что? Попробуй. Не выйдет — не отчаивайся, у тебя еще вся жизнь впереди...»

Махмуд невольно улыбнулся — о существовании литературного института он впервые узнал из писем Андрея Петровича, а ведь и сам думал, что, наверное, должен быть такой. Но поступать туда?.. Он ведь не знает, совсем не знает, как все сложится дальше. Улыбка ушла с губ, они сжались, сомкнулись жестко. Как и чем его еще встретят на воле? Говорят же, сытый голодному хлеб нарезает не сеша...

В нем с каждой минутой, часом, днем, месяцем зреет цепкое, жадное и упрямое стремление — доказать, что он встанет, выпрямится, победит, что все будет по-прежнему. Но ведь по-прежнему все быть не может! Он стал другим, совсем другим...

И конечно же, судимость можно снять, можно даже постараться забыть о колонии, о страшных минутах обид и одиночества. Но как забыть о человеке, которого ты едва не убил, которого мог сделать калекой на всю жизнь, ведь его судьба невольно вплелась в твою судьбу, и все пережитое тобой невидимой, но стальной нитью вплелось в сознание, в душу, которую не переделаешь, с которой не сотрешь запись, как с магнитофонной ленты, как бы ни хотел!..

Шли месяцы, а Махмуд все метался в лабиринте сомнений. Одно он только знал — с опозданием, но пришло наконец к нему время, когда человек должен осмыслить себя, свое место в мире.

То, что бездумно, беззаботно воспринималось как само собой разумеющееся, приходило к нему теперь, терзая своей незавершенностью — что же он за человек, Махмуд Умаров? На что действительно способен?

И освобождение, которое прежде виделось ему как конечная и главная цель, как смысл существования, предстало как начало чего-то нового, неизведанного...

Странно, но стены колонии словно расширили перед ним мир, и предстояло заново его осмыслить.

Внешне его жизнь как бы выпрямилась, стала более спокойной, ровной. Еще ближе стали ему Ахунжаков, Фарманов и Ядгаров, но даже им он ничего не говорил о том, что жило у него внутри. Вечерами он обычно уходил в прорабскую Ахунжакова, запирался там или, сидя в бараке, склонялся над мелко, экономно исписанными листами общей тетради с таким видом, который должен был отпугивать желающих полюбопытствовать, чем он там занимается.

И ребята поняли его состояние, ни о чем не расспрашивали, старались не мешать, только иногда Ядгаров задевал его, подшучивал:

— Что, «Записки из подполья» создаешь? — посмеивался он и с хохотом еле успевал увернуться от ботинка, которым запускал в него Махмуд... Махмуд понимал Юрку, как и тот понимал, что злость Махмуда не настоящая, напускная, оба приняли игру и продолжали ее.

А Махмуд записывал все: свои мысленные встречи с Малиной, письма, которые не отправлял ей, пытался как-то отвечать на вопросы, которые его мучили. И в этих записях своих он находил отдушину, собеседника и слушателя... «Сегодня видел кошмарный сон, — записывал он сейчас. — Проснулся весь в холодном поту. Иду по городу, совершенно свободно. Знаю, что срок мой еще не вышел, но иду, словно отпустили меня, и точно знаю, что это так и есть. Освободили, а поверить все равно не могу. Только вчера находился в колонии, и вдруг на свободе. Сон, наверное? Дергаю себя за уши — нет, боль чувствую. Иду по городу, захожу в магазины...

И вдруг я оказался у ворот колонии. Мне открывают,

Вхожу, надеваю робу, иду по зоне, а вокруг ни одного знакомого лица, все новенькие. Вдруг смотрю — Ахунжаков, подходит ко мне, садимся с ним на скамейку возле столовой. Он смотрит на меня, как на чумного: «Почему ты здесь? Ведь тебя освободили».

— Не знаю,— говорю,— и сам ничего понять не могу.

— За что на этот раз? Сколько дали? — снова спрашивает он.

И снова я ничего не могу ему ответить, твержу только:

— Не знаю, не могу понять, как попал сюда.

И тут до меня дошел весь ужас случившегося: меня отпустили, я был свободен, и сам, сам вернулся назад. А ведь суда никакого не было, у меня нет определенного срока, в колонии нет моих документов, и теперь меня никто назад не выпустит, потому что освобождения ждать мне неоткуда!..

Бросился к воротам.

— Ничего не знаю, — говорит часовой. Пришел—сиди.

• Придет бумага — выпустим.

— Но бумага никогда не придет, потому что никакого суда не было, я сам пришел сюда...

— Ничего не знаю,— твердит часовой...

Тут я проснулся, лежу с открытыми глазами. Ульмас похрапывает рядом, а я никак не пойму, что это было — сон или действительность. Не выдержал, разбудил Ульмаса: «Скажи, освобождали меня или нет?» Тот вытаращил глаза: «Ты что, помешался совсем?! Какое освобождение, спи! Придет время — силой выгонят, захочешь остаться — все равно назад отправят, никому ты здесь не нужен!»

Он снова уснул, а я так и промучился до самого утра...»

— Что ты все кропаешь? Если, конечно, не секрет. Я не любопытен, но все же...

К Махмуду подошел Славка Толкунов, сел напротив, снял очки, стал протирать стекла мятым платком.

Махмуд хотел послать его подальше, но, остановленный просительной-виноватой улыбкой, не ответил: с удивлением обнаружил, что под толстыми стеклами очков скрывались удивительно мягкие беззащитно-красивые глаза, обрамленные длинными, почти девичьими ресницами.

Махмуд нетерпеливо пощелкал языком:

— Ты любознательный парень, я гляжу,— сказал он, не скрывая иронии.

Толкунов как будто не расслышал.

— Извини, давно хотелось поговорить с тобой...— он помолчал, как бы собираясь с мыслями.— Ты, я слышал, пишешь... Рассказы, стихи...

— Не пишу я никаких стихов,— оборвал его Махмуд.

— Я сейчас уйду, ты не беспокойся. Не подумай, что я тебе подковырнуть хочу, совсем нет...

Я столько нагрешил, что в преисподней
Мои грехи весь ад заполонят.
Не легче ли простить меня, всевышний,
Чем новый для других готовить ад?

— Что это ты сейчас читал? -- не удержался Махмуд.—
Здорово!

Толкунов будто не слышал вопроса, глядел куда-то в пустоту.

Ко мне нагрянула извне беда:
Она ушла. Вся в пелене. Беда!
Но берегись изведать кто другой,
Какая с ней бывала мне беда.
Бывало, радость, скорбь — наперебой.
Злорадствуй, горе! Смейся! Не беда.
Что твой совет — изгладит образ твой?
Меж нас стена, и в той стене беда.
Но беспокойство лучше, чем покой,
Не знать беды — поистине беда!
О Навои, отрадно быть собой,
Но быть с собой наедине — беда!

— Так это ты Навои читал?

Толкунов улыбнулся вместо подтверждения.

— С детства люблю Навои, да и вообще восточную поэзию, особенно газели, рубаи. Ведь какая могучая должна быть культура, чтобы в четырех строчках сказать то, что, казалось бы, невозможно передать в целой поэме.

— А мне... стыдно даже признаться, но не знаю ни одного стихотворения наизусть,— отвел глаза Махмуд.— Со школы у меня это осталось, учительница у нас была в интернате...

Кто в детстве не получит воспитания,
Не будет счастья в жизни знать потом;
Сгибай сырую палочку как хочешь —
Сухую выпрямишь одним огнем.

— Ну, были у нас и хорошие учителя. Я сам, знаешь, шалопаи был порядочный... А это тоже Навои?

— Нет, это уже Саади,— ответил Толкунов. Он вдруг зачем-то оглянулся и вынул из кармана небольшую фотокарточку.

— Вот...

Широколицая, с угрюмоватым взглядом раскосых темных глаз—девушку на фотографии нельзя было назвать красавицей.

Махмуд некоторое время с любопытством разглядывал ее лицо, недоумевая — кто это? — жена, сестра, просто девушка, с которой Толкунов встречался на воле?

Разочарованно пожал плечами: ничего особенного.

Он собирался возвратить карточку, но вдруг, осененный какой-то догадкой, отдернул руку с карточкой, снова взглянул на нее, что-то в лице девушки показалось ему неуловимо знакомым. Где он мог видеть ее, где?

Толкунов со странной улыбкой наблюдал за реакцией Махмуда, но молчал.

Лицо на снимке было не такое уж юное, две глубокие морщинки разрезали широкий открытый лоб. И чем больше Махмуд вглядывался в нее, тем больше ощущал какое-то скрытое, мягкое обаяние, которое излучали глаза и лицо. Теперь он не сказал бы, что она смотрит угрюмо. Наоборот, казалось, она вот-вот улыбнется — душевно и осмысленно.

— Кто это? — глянул он на Толкунова. — Жена?

— Жена! — усмехнулся Толкунов, разглядывая снимок, будто впервые. — Все не так просто...

Это вырвалось у него с такой болью, с такой недосказанностью, что Махмуд будто впервые увидел Славку, открыл в нем что-то такое, укрытое от других.

Когда, порвав с людьми, я вырвался из пут,
Я рад был, что меня простор и воля ждут.
Но полюбив тебя, я снова влез в хомут;
Так зверь — рванет аркан, и — шею стянет жгут!

— Что это с тобой? — поразился Махмуд. — И кто она тебе, если не жена?

— Ни за что не угадаешь. Ни за что! — Толкунов усмехнулся: — Достоевщина, брат! Я и сам не ожидал, что со мной может быть такое... Сестра Куры это.

— Кто, кто?! — не поверил своим ушам Махмуд.

— Курочкина Любовь Михайловна, — отчеканил Тол-

кунов, пряча фотокарточку.—Раньше она ему писала, а он даже ручку ленился в руки взять. Вот я за него и отписывался... А она ему такие письма, такие письма... я читал и... плакал!

— Почему же ты за него должен?..

— Потом я написал от себя,—не слышал его Славка.— Думал, пошлет она меня подальше, а написал, терять нечего. И вдруг — письмо!..—Он снова вынул снимок, с минуту разглядывал его, сдул невидимую пылинку:—Ты только приглядишься хорошо, настоящая Настасья Филипповна! Я когда ее увидел впервые, так и обмер.

— Она одна живет?

— Почему одна!—не понял Толкунов.—Сын у нее... в первый класс пошел в этом году.

— Я не о том,—поморщился Махмуд.—Она что... разошлась с мужем?

— Какой там муж! —вдруг обозлясь, вскричал Толкунов.—Таких мужей я бы топил! От алиментов даже сбегал... Ничего, дай только выйти... пацана мы вырастим, будет он у меня вундеркиндом.

— Ты серьезно? — поразился услышанному Махмуд совсем по-детски.

— По-твоему, я не могу жениться? —голос Толкунова обиженно дрогнул.

— Я же не это имел в виду, Слава...

— И знаешь, что меня больше всего подкупило,— доверительно заговорил Толкунов.—Я же не писал ей, за что попал, а она поверила! «Вы,—говорит,—Слава, человек, я верю, что вы своего добьетесь!» И я добьюсь,—его глаза загорелись.—Веришь, Махмуд? Выйду, закончу университет... я сделаю все, чтобы она поняла, что не ошиблась во мне... А что она медсестра... Да, с родителями моими не легко будет, знаю... Но я уже все решил.

Он замолчал. Стало тихо, было слышно только, как скрипит дверь на несмазанных петлях.

Замерзшие лужицы звонко лопались под ногами. Махмуд улыбнулся, глубоко вдыхая терпкие запахи талой воды, испарений оживающей земли. Чувствовал, как в легкие врывается весенняя свежесть, о пьяняет, вызывает чувство непонятной радости, обновления...

По его календарю он уже здесь пятьсот три дня, осталось столько же и еще девяносто два дня. Махмуд вздох-

пул, закрыл глаза, подставляя лицо теплым ласкающим лучам.

— Эй, простудишься, смотри! — крикнул Ульмас.

Махмуд лениво обернулся. Юрка Ядгаров, раздетый до пояса, опираясь на стойку турника, подставил солнцу смуглую худую спину.

— Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья! — засмеялся Ядгаров.

Ахунжаков прищурился, подняв лицо к небу, и сам последовал его примеру, принялся снимать телогрейку, робу. Тело его, казалось, само, помимо разума и воли, торопилось скинуть с себя все лишнее, открыться солнцу, по которому так истосковалось.

— Давай, давай! — кричали ребята, наблюдавшие за прорабом. — Быстрее, а то солнце сядет.

— Э-э! — улыбался Ахунжаков. — От строителя солнце не уйдет! Они всегда вместе.

В этот день работалось всем особенно легко.

— Раство-о-ор! — кричали сверху.

И Махмуд летел по трапу на крик, вываливал содержимое носилок в корыто.

— Кирпич!

— Раствор!

— Раствор!

— Ну и ну! — вытер пот со лба Фарманов. — Они нас точно сегодня загоняют.

— Ничего, — смеялся Махмуд. — Мы с тобой живучие.

— Устали? — подошел к ним Ахунжаков.

— А ты как думал? — сеточка тонких морщинок легла вокруг Владькиных всегда мечтательных глаз. — Перекурить некогда.

— Кури! — вытащил из кармана пачку «Дымка» Ахунжаков и протянул сначала Махмуду.

— Не хочу! — покачал тот головой, потянулся сладко. — Хорошо как!

Он отошел к единственной уцелевшей на стройплощадке чинаре, прислонился к ней плечом. Отстранился, посмотрел вверх, на голые еще ветки, прижался ухом к стволу.

— Что там слышно? — засмеялся Ахунжаков.

— Тс-с-с! — приложил к губам палец Махмуд.

Ему казалось, что он действительно слышит, как стру-

ятся внутри дерева соки, устремляясь вверх, к бесчисленным почкам, вот-вот готовым развернуться. Вот и бледные ростки травы напряглись, готовые снова и снова начинать подвиг — пробиваться к солнцу острыми зелеными иглами.

Махмуд стоял у чинары, и что-то поднималось в нем, радостно теснило грудь. Он, городской житель, вдруг ощутил всю мощь природы, жадность земли, впитывающей в себя влагу талого снега, чтобы пробудить к жизни мириады растений, дать им яркую неповторимую красоту цветения, дать жизнь.

Махмуд увидел себя в своем дворике, там, где разрослись заброшенные кусты роз, за которыми когда-то так любила ухаживать его мама, а виноградник совсем одичал и оплел террасу так, что его темно-синие кисти иногда заглядывают в комнату, где прохладно, в самую жару...

— Махмуд, эй, Махмуд!

Он вздрогнул.

— Спишь стоя! — смеялся Ахунжаков. — Носилки к земле присохнут. Кончай перекур!

Махмуд очнулся, медленно пошел к носилкам.

— Жить! Жить! — кричала в кустах какая-то пичуга. — Живить!

Он глянул в ту сторону и увидел, как напружиненную стену коричневых прутьев взяла в плен проволока, как впились острые железные колючки в тела веток.

Подошел, начал с трудом распутывать проволоку и улыбнулся, видя, как распрямляются облегченно прутья.

— Зачем ты? — недовольно заметил Фарманов. — Теперь мешать будут.

— Ничего, — ответил Махмуд, берясь за носилки. — Переживем как-нибудь.

— Станный ты все-таки человек, — пробурчал Фарманов, нагибаясь к своему концу носилок.

Махмуд не отозвался. Он почему-то вдруг впервые подумал о том, что ведь и сам мог оказаться на месте Этога Сабурова, и его могли ударить ножом с отчаянья... Он представлял себе картину: вот они, Махмуд с друзьями, идут по парку после очередной попойки. Их много, они громко, нелепо громко смеются, задирают прохожих, и все уступают им дорогу, а они чувствуют свою силу, все больше наглеют...

Разве не бывало этого?

Бывало, и не раз. Конечно, грабить они никого не гра-

били, но если бы вдруг нашелся в компании такой «шутник», разве кто-нибудь остановил бы его?

Что следствие, суд, колония! Он сам, сам судил себя, судил по справедливости, и приговор обжалованию не подлежал. Правильно, правильно то, что с ним произошло!

20

А дни шли за днями, складывались в недели. Прошла весна, и ночи теперь казались особенно короткими и желанными — таким напряженным был каждый трудовой день.

Но все же Махмуду хотелось как-нибудь встать пораньше, чтобы встретить рассвет, потому что так давно он не видел его, и как бы рано ни объявляли подъем, солнце теперь всегда опережало их и, быстро поднимаясь над горизонтом, палило беспощадно...

И вот однажды он проснулся, когда нежно-розовая полоса едва тронула край неба и кое-где еще мерцали тусклым светом одинокие звезды.

Махмуд, стараясь не разбудить никого, вышел из барака.

Рассветный ветерок, который возникает только перед самым уходом ночи и появлением дня как след могучего этого превращения, был свежим и ласковым. Розы перед библиотекой еще были сжаты в бутоны, и только крайняя слегка отогнула лепестки, готовясь при первых лучах солнца раскрыться.

Махмуд скользнул взглядом по колючим кустам роз, по густой зелени ромашек, хны; скоро, очень скоро клумба станет обычной — пестрой, пышноцветной, капельки росы высохнут, словно и не они блестят сейчас, играя всеми красками радуги на упругих лепестках и листьях.

Он потянулся до хруста; еще и еще хотелось вдыхать в себя слабый, едва уловимый запах цветов, закрыв глаза, отдаваться ощущению красоты мира...

Но глаза его, против желания, видели вокруг клумбы вытопанную площадку, высокую стену, сторожевые вышки на углах; и он почувствовал, что задыхается, как будто стена выросла и наклонилась перед ним, остановив приток воздуха...

Он резко повернулся и ушел в барак, и до самого подъема лежал с широко раскрытыми, невидяще уставленными в серый потолок глазами.

— Умаров! Махмуд! — остановил дежурный у самого входа в зону, отвел в сторону, — Тебя тут майор Кидаш искал.

— Зачем?

— Не знаю, — пожал тот плечами, оглянулся, заговорил тише: — За тобой больше ничего нет, подумай?

Махмуд медленно покачал головой. Волнение дежурного передалось и ему, он махнул рукой и быстро пошел по направлению к канцелярии.

И тут его окликнул майор Кидаш через распахнутое окно своего кабинета.

— Зайдите ко мне, Умаров!

— ...Значит, та-а-ак!

Майор снял очки, сложил, повертел в руках, посмотрел на Махмуда. И только сейчас Махмуд заметил, какие усталые глаза у майора, опухшие, с красными прожилками. Они смотрели на него испытующе, немного вопросительно и вместе с тем как будто доброжелательно.

Махмуд облегченно вздохнул, начав успокаиваться, но, не выдержав взгляда воспитателя, стал зачем-то разглядывать грязные, растоптанные рабочие ботинки, выглядывающие из-под черных брюк.

— Соскучился по дому?—спросил майор, пряча улыбку.

— Еще бы!— выдохнул Махмуд, быстро глянув на него.

— Ничего! — голос майора подобрел. — Думаю, скоро ты увидишь своих.

— Как это?.. — Махмуд замер, вглядываясь напряженно в бесстрастное лицо Кидаша: «Что за шутки? Нельзя же так! Глупо! Бесчеловечно!» — хотелось крикнуть ему.

— Значит, так, — не спеша повторил майор, словно не замечая состояния парня. — Решили представить тебя к досрочному освобождению. За отличное поведение, отличную работу.

— Это правда? — прошептал Махмуд, бессознательно шагнул к столу майора. — Вы правду говорите? Меня... освободят?

— Как суд посмотрит! — сказал майор. И вдруг не выдержал, лукаво улыбнулся: — Хотя как он может посмотреть, если мы представляем, а?

— Спасибо! — выдохнул Махмуд, не замечая слез, которые навернулись на глаза. — Спасибо вам большое!

— Мне за что спасибо? — искренне удивился майор. — Ты сам заслужил себе досрочное освобождение...

Он снова надел очки, переложил какие-то бумаги. Опять поднял голову.

— Зайди в канцелярию, — голос его зазвучал официально. — Там тебе объяснят что к чему... И готовься, на этой неделе обсудим твою кандидатуру на совете воспитателей, потом... Короче, готовься!..

— Э-ге-ге-ге-ге-эй! — влетел в барак Владька Фарманов.

— С ума сошел, что ли? — остановил его Ахунжаков.

— Махмуда выпускают! — выпалил Фарманов. — На «УДО» его представил Кидаш...

— Выпускают тебя, слышал?

Махмуд шатнулся от крепкого тычка в плечо. Перед ним стоял Кура.

— Пока ничего не известно.

— Брось ломаться! — досадливо поморщился Кура. — Если представили к «УДО», значит, дело в шляпе... Повезло тебе крупно.

— Повезло, — Махмуд повернулся, чтобы уйти.

Но Кура поймал его за плечо, рывком повернул к себе:

— Загордился, смотрю!

— Чего тебе надо от меня? — Махмуд сбросил руку с плеча.

Кура усмехнулся зло ему в лицо:

— Знаешь, ведь еще могут переиграть все!.. Не понимаешь меня?

Махмуд почувствовал, как похолодело в груди.

— Представь, что сейчас произойдет «ЧП», мы с тобой подеремся!.. Как думаешь, отпустят тебя тогда?

Махмуд молча смотрел ему в глаза. Кура вдруг улыбнулся, скомандовал:

— Кругом!

Махмуд не шелохнулся.

— Дурак же ты! — в сердцах бросил он. — Сам себя, как скорпион, за хвост от злости все кусаешь.

— Ты так думаешь? — спросил Кура. — Лучше дай-ка закурить.

— Нет у меня, а если бы и были...

— То не дал бы, так?

— Так, — отрезал Махмуд.

— Зря ты все усложняешь, Махмуд, — заговорил

вдруг миролюбиво Кура. — Приеду к тебе после колонии, примешь?

Махмуд промолчал, не улавливая, издевается Кура или говорит искренне.

— Чего ты от меня хочешь? — тихо спросил он.

— Ничего, — снова наглая улыбка появилась на лице Куры. — Просто хотел сказать тебе одну истину: «Кто поел раз из деревянной миски — обязательно попробует еще!»

— Ты чего там застрял?

Махмуд облегченно перевел дыхание, обернулся. К нему торопливо шли Ахунжаков и Юра Ядгаров.

— Ну пока! — поспешно сказал Кура. — Встретимся еще!

— Опять цепляется? — Ядгаров угрожающе смотрел в спину удаляющегося Куры.

— Да ну его! — отмахнулся Махмуд.

Они пошли к бараку, молчаливые, задумчивые. Только Фарманов притворно хныкал, дурачился всю дорожку:

— Бросаешь нас! Как же теперь нам жить, на кого ты нас по-ки-да-ешь, отец родной?!!

Махмуд видел, что Владька смеется, но глаза у него остаются грустными, потерянными...

Время быстро летело в хлопотах: заседание совета коллектива, потом совет воспитателей, открытое собрание колонии... И вот последний день, вернее, вечер.

Махмуд медленно укладывал вещи. Собственно, укладывать было нечего: несколько исписанных тетрадей, пара чистого белья, полотенце, мыло и зубная щетка.

— А это от меня! — пробился к Махмуду Славка Толкунов. В руках у него был широкий модный кожаный ремень. — Пусть хоть ремень мой на свободе побудет, — улыбнулся Славка. Уходя, добавил серьезно: — Ты не держи на меня зла, ладно? — и снова с улыбкой закончил: — «Человек одинок и незащищен, он живет во власти ничто. Что ему остается, кроме отчаяния и смирения?»

— Бороться, — вдруг вырвалось у Махмуда. — И доказать, что он настоящий человек.

Толкунов грустно усмехнулся:

— Смотри, ты и с самим Хайдеггером спорить можешь!

— Сдался он нам, какой-то Хайдеггер, — сказал Ядгаров. — Мы по другой статье.

Толкунов глянул на него с грустно-насмешливой искор-

кой в глазах и медленно пошел прочь. Но тут его снова остановил голос Махмуда:

— Ты бы лучше прочитал нам что-нибудь, Слава... из Навон.

— Не хочу я ничего читать, — бросил Толкунов хмуро, но тут его окружили остальные ребята.

— Нельзя же так, Славка.

— Именинник просит, а его слово — закон.

— Прочитай, что тебе стоит!

Толкунов остановился, задумался, устремив взгляд куда-то в пространство, и вдруг вскинул голову:

Раскайся, справедливость прояви,
Себя для жизни вечной оживи!
Твое насилие, низость и разврат
Земле и небу вечному претят!
Раскайся же отныне навсегда!
Трудись! Страшись грядущего суда!

— Ну и ну! — покачал головой Ахунжаков.

— Тебе бы, Славка, артистом быть, — обнял его за плечи Ядгаров.

Долго еще в бараке не смолкали разговоры. Махмуд лежал под тонким одеялом, представляя себя там, на воле, идущим по знакомым, родным улицам...

Хорошо, что он не сообщил домой о своем освобождении. Так лучше и для него, и для них...

— Ульмас, разбуди меня завтра пораньше.

— Зачем? — зевая, отозвался Ахунжаков. — Выспись перед дорогой.

— Надо! Разбуди, пожалуйста, — попросил Махмуд, улыбаясь своим мыслям.

Опять ему хотелось встретить рассвет. Первый свободный рассвет! Свободный и тот, который он здесь встретил однажды, — должны же они как-то различаться...